

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОРЕЙ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

Владимир Геннадьевич Поселягин
Повелитель морей
Серия «Военная боевая фантастика»
Серия «Путник», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963862

Повелитель морей : роман / Владимир Поселягин: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-136866-1

Аннотация

И снова бессмертный Путник в деле. На этот раз он попадает в миры империалистической, Русско-японской, афганской и, наконец, Великой Отечественной войны, где ему предстоит спасти мир от другого Путника и изменить историю. С помощью новых умений он выйдет из окружения под Киевом, предотвратит захват Смоленска и блокаду Ленинграда. Но и про «союзников» он не забывает, ведь атаковали его в прошлом британские самолёты, а координаты его лодки сдали штатовцы. А главный герой не из тех, кто прощает долги...

Владимир Поселягин

Повелитель морей

© Владимир Поселягин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

* * *

Заложив руки за спину, я исподлобья наблюдал, как уходит моя бывшая команда – моряки, но не в чёрной форме морфлотовцев, а в робах подводников. Ковырнув носком ботинка ком земли на обочине полевой дороги, я бросил им вслед последний взгляд и, развернувшись, посмотрел на трёх немецких лёгчиков, что стояли рядом, внимательно глядя на меня.

– Как и обещал, отпускаю вас, – на отличном немецком языке сообщил им я. – Простите, но это не тот мир, где вы родились, это другой. Здесь сейчас лето четырнадцатого года. До нападения Германии на Российскую империю осталось полтора месяца. Граница Германии в той стороне, я вас больше не задерживаю.

Немцы как один, словно тренировались, вскинули руку к виску, я ответил, и они, развернувшись, уверенным шагом направились прочь.

Они были в курсе ситуации, я им объяснил, что я тот, кто взял их в плен, но меня убили в том мире. А убили британцы, которым в этом мире я собираюсь отомстить. Другие британцы? Да мне по фигу. Необходимо погасить топку удушающей меня ярости. Я на них зол, и с той же злостью буду их топить и уничтожать. Но это дела будущие, да и не решил я ещё точно, что буду делать.

Со своей бывшей командой мы неделю прожили на берегу реки. Утонувших откачали, кроме одного краснофлотца: у него была травма головы, так что без шансов; похоронили его там же, на берегу. Штурман взял командование на себя, и общим решением меня отстранили от командования, хотя и поверили, что я их командир. Вот не люблю такие голосования и общие решения. Это военный флот или гражданская организация? Штурман, как оказалось, после меня был вторым в тройке лидеров на моей лодке, а поддерживавший его боцман – на третьем. Я вообще-то это и так знал, но такой вот бунт стал для меня неприятным сюрпризом.

В общем, ушли они. И поскольку идеология была на высоте, то уходили они даже не помогать нашим (я об императорских армии и флоте) воевать с немцами и делиться опытом подводников, а искать ячейки коммунистов и социалистов.

Марина после моего перерождения меня сторонилась, поэтому, когда штурман взял командование на себя, сделала свой выбор и решила уйти с командой. Когда я услышал результат общего голосования и решение любимой, то махнул

рукой. Не знаю, может, я сломался? Но мне как-то разом на всё наплевать стало. Пусть поступают как хотят. Поэтому велел им валить. Ничего не дал из своих запасов: с чем достал из Хранилища, с тем и ушли. Потом и немцев достал, чего их держать? Пошли они все. Денег ни у кого нет, так что их проблемы, как они устраиваться будут, я им больше не нянька.

Да, именно моя обида была причиной такого моего решения. Обида за то, что мне отказали, отодвинули меня в сторону и вообще начали принимать решения самостоятельно. Сейчас я для них никто, незнакомый парнишка, что бы я ни говорил. Меня, по сути, кинули. Так что пошли они все, я серьёзно обиделся на всех. И мне было наплевать на то, что они наверняка разболтают обо мне и о том, что ожидается в будущем. Хотя нет, пожалуй, интересно, что из этого выйдет.

Задерживаться у реки я не стал. Свернул лагерь, убрав в Хранилище три взводных и две офицерских палатки, а также большой котёл с поддоном, на котором мы пищу готовили. Коня своего отправил туда же. Потом достал из Хранилища «Шторьх» (у меня их два в запасе) и, устроившись в кабине самолёта, разогнался по дороге; мотало не сильно, так как участок был песчаный, ровный, да и мотор уже прогрелся. Оторвавшись от полосы, стал карабкаться на высоту. Подо мной мелькнула колонна моряков в серых робах, некоторые махали руками. Моя бывшая команда. Шли они в сторону Смоленска, куда и я летел.

Я хотел опередить их, чтобы успеть распродать трофеи. Я

рассуждал так: если моряков поймают охранка и вскрыется, откуда они, то, если не признают их показания массовым помешательством, меня точно будут искать. Однако выходить на контакт с местным правительством и монархом я не планировал даже в отдалённом будущем – смысла не видел. До Смоленска недалеко, и семидесяти вёрст нет, долечу быстро. Там на месте будет видно.

А пока стоит проанализировать произошедшие события. Уже шесть дней как я нахожусь в этом мире. Используя Исцеление, залечил травму головы, а чуть позже, когда зарядка пополнилась, и следы от кнутов. После этого, не задерживаясь более, я покинул деревню, где ночевал на подворье старосты, и нашёл отличное место на берегу реки. Рядом вилась полевая дорога, скорее даже тропинка (с неё я сейчас и взлетел). На берегу реки я достал свою форму капитана второго ранга и переоделся. Раньше я был шире в плечах, и сейчас форма висела на мне как на вешалке, и было заметно, что она с чужого плеча. Но награды на ней мои, честно заработанные.

Потом я достал из Хранилища всю мою команду – сначала врача, затем уопленников. Врачу объяснил ситуацию, и вдвоём мы принялись за работу. От врача, с его сломанной рукой и помятыми рёбрами, реальной помощи было немного, но советы его были в тему. Под его руководством я откачал всех уопленников, кроме одного. Самому врачу я лубок сделал и руку на косынку подвесил. После чего достал и

остальных членов команды. Последовало объяснение. Кратко растолковал, кто я и как мы тут оказались. Все свои возможности я раскрывать не стал, рассказал только о наличии Хранилища, но без подробностей о том, что внутри.

Марина от меня шарахалась, не подходила. Я не сразу понял, но, видимо, мой новый облик вызывал у неё антипатию. А чуть позже из беседы моряков узнал, что в новом теле я очень похож на прежнего капитана моей субмарины, того временного, капитан-лейтенанта, который приставал к Марине. Изучив себя в зеркальце, пришёл к выводу: действительно похож, только моложе лет на десять. Но, видимо, у Марины сработали ассоциации, что-то у неё щёлкнуло – и всё, пропасть между нами.

В общем, ситуацию члены команды вроде как приняли, но мои планы помогать России и незаметно бить британцев на море, став таким «Летучим голландцем», штурману сильно не понравились. Мой штурман начал готовить бунт, и у него нашлись единомышленники. А мне держать всё в руках и быть в курсе дел без Взора оказалось затруднительно, и вот час назад неожиданно для меня было собрано совещание, на которое меня тоже пригласили.

На этом совещании было выдвинуто предложение помочь товарищам из революционных ячеек, своим, найти товарищей Сталина и Ленина. Руки в поддержку этого предложения подняли почти все, даже раненые и пострадавшие. Ну, я со злости и велел им всем катиться на все четыре стороны,

чтоб глаза мои их больше не видели. Двое из команды были не ходячие, но носилки у нас для них были готовы. И вот бывшая моя команда собралась и ушла.

С немцами было проще. Я достал их, пока мои бывшие матросы собирались. Краснофлотцы хоть и косились на людей в ненавистой форме, но всё же ушли, ничего не предприняв. Расходились немцы и краснофлотцы в разные стороны, поэтому уверен, эксцессов не будет. Немцам я кратко объяснил суть дела и тоже отправил восвояси. Своё обещание научить меня летать они выполнили, а остальное неважно. Немцам сейчас предстоит убедиться, что им не солгали, что они действительно в другом мире и времени, и добратсья до своих. Уверен, со своими знаниями они очень хорошо устроятся в этом мире.

Про своих бывших подчинённых я этого сказать не могу, тут уж как повезёт, но думаю, вряд ли. Однако это было их решение. Я чувствовал себя преданным. Думал, что имею непререкаемый авторитет, а они раз – и вот так ускользнули. Я лишился команды, а в одиночку воевать на подлodge, да ещё без Взора, это скорее из разряда сказки. Ну что ж, буду воплощать эту сказку в жизнь. Хотя бы попытаюсь.

Сейчас я наблюдал, как сбоку (спереди мешал капот мотора) надвигается довольно крупный город. Каменных зданий было не так и много, ими были застроены только несколько улиц в центре, да несколько одиночных каменных домов виднелись в стороне, на других улицах, большая же часть

зданий были деревянными, встречались и двухэтажные, но мало. Сделав два круга над городом, я заметил, что народу на улицы высыпало множество – у моего самолёта были тактические знаки другой страны, – но меня это не волновало.

В стороне от города я заметил полосу у посадки, деревянный ангар, ветряк и даже самолёт. Сблизившись, сделал из любопытства несколько кругов на одной высоте, изучая это нечто из тонких реек и перкаля. И оно летает?! Это чудо. Из здания у ангара также высыпало порядочно народу, руками махали. Однако совершать там посадку я не стал, а отлетев, сел на дорогу.

Я уже отошёл от того, что меня кинула бывшая команда, злость улеглась, но чувство предательства (по-другому я это не назову и называть отказываюсь) ещё не прошло. Эх, не те люди пошли, не те. И ведь я знал, что ко мне в команду направляют только отличников боевой и политической подготовки, не то чтобы фанатиков, но близко, но никогда не придавал этому значения. Моё дело – командовать, а душами моряков заведовал комиссар. Вот он и насоветовал, промыл мозги. Если бы он с нами был, они ушли бы на следующий же день, а не ждали четыре дня, готовя бунт.

Я ведь видел их перешёптывания, да не до того мне было, всё Марину пытался вернуть, пока не понял, что всё, шансов нет. А тут ещё это навалилось, ну и вспылел. Вообще, я иногда бываю вспыльчив, но чтобы довести до такой ситуации, меня хорошенько завести нужно, и у краснофлотцев это по-

лучилось. Ладно, фиг с ними. Я чуть меньше года с ними воевал, по сути даже меньше, но всё равно успел привязаться, так что всё это, конечно, неприятно, но перетерпим. Время лечит.

Да пошли они! А зацепила меня всё-таки ситуация, всё никак не могу выкинуть её из головы.

Дорогу я выбрал не главную, что вела к городу, а небольшую тропинку в трёх километрах от окраин, рядом с железнодорожными путями. Там как раз проходил воинский эшелон. Точно воинский: солдат в открытых дверях теплушек рассмотрел, да и они меня видели, махали руками и фуражками. Непривычно видеть, что и простой солдат тут фуражку носит. Пехота, похоже. Царица полей.

Форму командира Красного флота я снял ещё в первый день, когда своих моряков с ситуацией знакомил. Они потом два дня в себя приходили, многие семьи свои вспоминали, знали, что уже не вернутся. Позже я переоделся в красноармейскую форму, и сейчас она на мне была. На голове – пилотка, кепку я убрал, только звёздочку вынул. Вот и сейчас я был в этой форме, на ногах – ботинки с обмотками. Это всё то, что было мне по размеру, так что менять не стал.

Когда эшелон прошёл, я осмотрелся и убрал самолёт в Хранилище, заправлю позже. Я специально выбрал такое место для посадки, где небольшая возвышенность скрыла меня от окраин Смоленска, так что если и были свидетели пропажи самолёта, то мизер. Осмотрев себя, я уверенно снял ко-

буру с наганом, оставив штык-нож от СВТ и фляжку (привык к ним), кобуру в Хранилище убрал, поправил ремень, стягивая складки назад, и уверенно направился к Смоленску. Потом вспомнил о коне, на котором передвигался бывший хозяин этого тела, и, достав его, вскочил на его широкую спину и ударил каблуками ботинок по бокам. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Конь бод рой рысцей, иногда переходя на галоп, направился к городу, а я размышлял.

Дело в том, что ранее, используя Хранилище, я видел, что находится внутри, да и список имелся. А сейчас ничего нет. Всё, о чём я помню, я могу достать, однако, несмотря на отличную память, о мелких трофеях я наверняка забыл, так что их придётся искать методом тыка, мысленно давая команду достать и проверяя: есть или нет? Без иконок на зрении было непривычно. Чёртовы святоши, никогда не ждал от них ничего хорошего!

Тут, видимо, и сработала моя мысленная ругань, направленная в сторону этих... недостойных личностей. Последнее я добавил, когда передо мной метрах в десяти появился очередной святоша. Пришлось резко натягивать поводья, останавливая коня, чуть на задние ноги его не поставил.

В этот раз был знакомец, аватар Михаила.

– Всё знаю, – без приветствия сообщил он. – Недостойно поступили наши коллеги.

– Фракция противников? – понимающе кивнул я. – Как извиняться будете?

– Наглец ты. Впрочем, не удивлён, все Путники такие. Не наша в том вина, но твои умения я возвращаю, – сказал он и махнул рукой.

И тут он удивлённо замер и начал присматриваться ко мне. Иконки появились, остальное и так при мне было, Исцеление и Хранилище так точно. Взором работать я не мог, но уверен, что и он был при мне. Видимо, сработало то, что я тогда на мостике лодки отказался принять тот факт, что у меня всё отбирают. Уверен, не смогли забрать, только управление убрали. Это, видимо, аватар Михаила и понял, судя по его задумчивому и заинтересованному взгляду.

Кстати, плюсы от этих лишений и возвращений были. В Хранилище всё на месте, размеры его огромны, Исцеление на пятьдесят семь процентов прокачано, всё времени на него не было, и Взор брал на дальность почти четырнадцати километров. Качать всё это можно, но снова с нуля не нужно. Это радует.

– Вина не ваша, но люди ваши, – продолжил я. – Меня не волнует, что они из другой группировки и вы, как я понял, соперники. Чем расплачиваться будете?

– Я смотрю, у тебя есть предложения, судя по твоей настойчивости?

– Люди меня кинули, предали по сути. Не то чтобы я возлагал на них огромные надежды, но некоторые планы строил. Верных помощников хочу.

– Людей я тебе не верну.

– А кто говорит о людях? Големы. Умение создавать големов – вот этого я желаю.

Я много размышлял об этом после кидка команды и вскоре пришёл к мысли о големах, которую сейчас и озвучил.

– Надо же, – удивился аватар. – Подсказал кто? Есть такое умение. Ладно, уговорил, дарю тебе умение «Малое управление големами».

– Эй, почему малое?! – возмутился я.

– Среднее ты не вытянешь. Ладно, моё время истекает, прощай.

Он исчез, и я понял, что чувствую себя облапошенным. Похоже, мало я запросил, раз он так легко согласился и быстро исчез. Вот гады. Чую подвох с этим умением.

Похлопав коня по шее, я спрыгнул на землю, дав ему полакомиться травой. А иконка новая у меня появилась после очередного взмаха руки. Умения не все сразу открываются, да и работать приходится методом тыка, но иногда с ними инструкции идут, и там вся нужная информация есть. Мысленно активировал иконку и довольно улыбнулся: это второе из четырёх моих умений, имеющее сопроводительную информацию. С двумя другими я своими руками и разумом разбирался.

– Так, что тут не так? Что-то должно быть, – бормотал я, быстро пробегаясь по инструкции управления.

М-да, инструкции по управлению не оказалось, это был просто список возможностей Големики. Снова до всего са-

мому доходить придётся.

— Так-так-так, големов я могу создавать из чего угодно. Любая почва, от песка до камней и глины.

Жаль, из воды и воздуха нельзя: не тот материал. Думаю, из воздуха были бы похожи на привидения. Так, големы смогут всё, что умею я, им даётся копия моих умений, без личностей. Управляю я. По сути, роботы. Отлично, такие не предадут. Умение нужно качать. Сначала с одним големом освоиться, потом с остальными... ЧТО?! Всего пятеро, не больше?! Вот почему малый! Вот почему аватар Михаила сбегал! По минимуму откупились!

Я от злости пнул травянистую кочку, отчего она разлетелась, подняв облачко пыли, и минуты две разговаривал только на матерном языке. В этом мире у меня одни потрясения, так никаких нервов не хватит. Чуть позже, успокоившись, отстегнул фляжку и выдул половину. Это помогло. Прочистило голову. Конь, что отошёл чуть в сторону и с недоумением косил на меня одним глазом, продолжал пощипывать губами травку. Достав корку хлеба (и такое у меня есть), я подошёл к нему и угостил его. Конь, похоже, такое лакомство знал, с удовольствием захрустел и явно собирался выпросить ещё, но я уже вскочил на его спину.

Со стороны города мне навстречу катили несколько пролёток и один ретроавтомобиль со сложенной крышей, а также неслось множество мальчишек. Похоже, многие видели, где сел самолёт. На меня покосились с интересом, но не

более. Вещмешка за спиной нет, значит, лагерь недалеко.

Въехав на территорию города, я по улочкам направился в сторону рынка. Их тут оказалось два, я поспрашивал у прохожих, и две встретившиеся мне женщины подробно и описали всё солдатику. Да, форму надо менять. Она не очень похожа на ту, что я на солдатах видел, заметно отличается. Видимо, во время войны с немцами была реформа, и униформу изменили примерно на то, что я сейчас ношу. Детали мелкие, но их много, и вот в целом не сильно я на русского солдата похож, скорее на гражданского в военизированной одежде. Я потому возле женщин и остановился: как и ожидалось, они в этом не особо разбирались.

На рынке я без проблем продал коня, получив за него двадцать семь рублей – как я понял, цена чуть ниже среднего, но вполне годится. Можно было бы поторговаться, но я не стал. После прошёлся по рядам и продал все трофеи с тех, что меня плетьюми хотели отделать, все, даже обувь. Вот только берданки не взяли: ими торгуют магазины со специальной лицензией, они же и скупают ненужные.

Такая оружейная лавка нашлась рядом с рынком. Магазин не был пуст – шесть покупателей. Но трое продавцов вполне справились, вот один из них мной и занялся. Пока он изучал винтовки, я выяснил, что патроны к ним есть и с бездымным порохом, но их мало берут: с дымным дешевле, а местные деньги считать умеют. Винтовки я решил продать. В принципе, купив нормальные патроны, можно было и оста-

вить, но они ушатанные, разболтанные, ну их.

Вообще, с возвращением мне всех умений и даже появлением одного нового смысла во всех этих продажах не было никакого. Делал всё по инерции.

Из оружейной лавки я вышел, крутя в правой руке раритетный кольт «Миротворец» (ну вот захотел). К нему было двести патронов. Кольт я убрал в карман, патроны и кобура к нему находились в Хранилище. Оружие не было заряжено, ещё консервационную смазку убрать нужно. На покупку колта ушли все деньги с продажи берданок и амуниции к ним, он был в подарочной версии, никелированный красавец с перламутровыми накладками на рукоятке и орнаментом.

Прикинул, что делать дальше. Нужно качать умение управления големами. Найти подходящее место для проживания и качать. Вшестером мы – я и пять големов – с крупной океанской лодкой справимся, а других у меня всё равно не было. Будет сложно, но возможно. Главное, освоиться с этими умениями. Это планы на ближайшее будущее.

Подумал, не продать ли лошадей той банды, что на меня напала. Одного коня я продал – того, что парнишке принадлежал. Это для него конь мог быть другом, а для меня нет. Нужно скинуть лишнюю живность или нет? Об этом я и размышлял, направляясь в подворотню, где можно было незаметно достать коней. Решил продать трёх похуже, а остальных оставить. Решил, что местные деньги мне пригодятся, а то всего едва сорок рубликов. Это были деньги за коня и

одежду банды, не так и много вышло, хотя по местным временам сумма была солидная. Добью до ста. Пусть будет в запасе. С теми самолётами, что у меня есть, я доберусь до границ России, дальше переберусь в зону боевых действий, но наличка пусть будет, мало ли пригодится.

Достал трёх коней (они уже немолодые, сёдла у них потёртые, да и подковы у двух пора менять) и повёл их на рынок. Подошёл с ними к тому же продавцу, он смерил меня подозрительным взглядом, но стал изучать коней, делая это неторопливо и качественно. В прошлый раз он встречал меня по-другому. Что-то мне всё это не нравится. Я закрутил головой. Отметил, что помощник торговца быстро свинтил при моём появлении, и мне это также не понравилось.

Тут меня как молнией пронзило, аж дёрнулся. Лошади! Неделя прошла с момента, как я тех бандитов положил. Их трупы уже давно нашли, и я уверен, что описания моих трофеев также разошлись. И если одежда и винтовки особых примет не имели, то лошади – вполне. Наверняка всех лошадиников предупредили, всех торговцев в округе. При первой продаже он, видимо, не понял, кого ему привели, а потом догадался.

Интересно, он уже предупредил местный сыск или нет? Судя по скорости, с которой сбежал помощник, предупредил, и тот побежал за жандармами. Мысленно пробежавшись по списку оружия, я прикинул, что у меня есть ППШ с дисковым магазином и танковый пулемёт ДТ, отобьюсь.

Оружие снаряжено и готово к бою, гранаты под рукой. Можно сразу уйти, но трофеи есть трофеи, без денег я не уйду, это принципиально.

Вокруг меня забурила толпа, людей стало больше, мелькнули двое в форме и те, что ближе были, в штатском. Я чуть улыбнулся и поторопил торговца:

– Побыстрее, если можно.

Однако ответил не он, а подошедший жандарм. Не знаю его звания, но явно офицер, он был в форме.

– Куда-то торопитесь?

Я прошляпил его появление, как-то он так неожиданно вывернул из-за лошадей. Оказалось, было трое филеров в гражданке и семеро, включая офицера, в форме. Остальные унтера да рядовые. Хотя нет, был ещё один офицер, подошёл и встал рядом с первым офицером. Двое громил в форме схватили меня за руки, пока третий, с какими-то знаками на погонах, быстро обыскивал меня, сразу вытащив нож из ножен и убрав фляжку.

– Это нападение? – поинтересовался я. – Недавно на меня банда напала, я как раз трофеи с них продаю, лошади остались. Если вы бандиты, то смогу ли я вашу форму продать тут на рынке?

– Шутник, значит? – хмыкнул тот же офицер.

– Нет, это констатация факта, – ответил я и отправил в Хранилище трёх полицейских, что меня держали и обыскивали. Вооружившись ППШ, я дал короткую очередь в воз-

дух, прижал приклад к плечу и громко заявил: – Кто дёрнется, получит пулю. Мне ваши жизни не нужны, я понимаю, что вы делаете свою работу, но ко мне лучше не лезть – зашибу. Торговец уже сбежал. Двигаясь спиной вперёд и приглядывая за окружением, я дошёл до своих лошадей, привязанных к перекладинам загона и, отпустив диск автомата, левой рукой отправил всех трёх коней по очереди в Хранилище. Ну и плюс двух коней торговца, за возмещение ущерба.

– Стойте на месте, ваши коллеги чуть позже сами вернутся. Без формы. Сами понимаете, военные трофеи – это святое.

– Но сейчас нет войны, – напомнил говорливый офицер.

– Да? – Я немного удивился, а потом кивнул, соглашаясь: – Да, точно. Тогда трофеи собирать не буду.

– Я могу вам верить в том, что мои люди не пострадают? – мягко, стараясь не провоцировать меня, спросил офицер. – Кстати, где они?

– Слово офицера, что не пострадают. А где они, уж извините, умолчу.

– Вы офицер?

– Моряк. Капитан второго ранга, командир русской подводной лодки океанского класса Северного флота. Был потоплен британской авиацией в Атлантике, после того как пустил на дно два крупных боевых германских корабля, потопил линкор и тяжёлый крейсер, плюс два эсминца и корвет. Что самое интересное, воевали мы с немцами, а британцы

— наши так называемые союзники. Всегда, суки, били в спину. Погиб я тогда и вот получил новое тело в вашем мире. Да, команда моей лодки тоже спаслась, но бросила своего командира. Они социалисты и большевики. Двигаются сюда, к городу, пешком. У них двое раненых на носилках. Будут тут через пару дней. Советую пообщаться с ними, они и расскажут, как через месяц на Россию нападёт Германия, а ещё через три года Российская империя перестанет существовать после отречения императора.

Уйти мне всё же дали. Те, у кого револьверы были в руках, убрали их, но я держал пистолет-пулемёт наизготовку. Пятился назад, пока не скрылся в рядах и не ушёл быстрым шагом с рынка, вскоре затерявшись в улочках. От тройки полицейских я вскоре избавился. С разбегу вскочил на высокий дощатый забор (это второй, в первом дворе были хозяйка и злая собака) и, вытянув руку, достал их. Они попадали вниз, матерясь, потирая ушибленные бока, а я, спрыгнув на мостовую, достал одного из коней, из румынских скакунов, и полетел к выходу из города. Уверен, что уже объявили местный план «Перехват». Кстати, зря я полицейских жандармами называл, жандармы в охране работают, а это обычные сыскари.

А уйти мне всё же удалось. Проскакал километров пять и ушёл на второстепенную дорогу. Тут озеро было, вдали на холме — деревенька. Я поводил коня, а то запалил скачкой, дал ему отдохнуть, напоил и после убрал в Хранилище. Сам

окунулся в озере, после чего переоделся – сменил форму на привычную робу матроса-подводника, советского конечно. Нашлось у меня в запасе два комплекта моего размера и ботинки.

Потом я достал самолёт. Это был связной «мессер», четырёхместный, я на таком в Африку летал, когда в Крыму воевал. «Шторьх» не доставал, потом его заправлю. У меня бзик по этому поводу: техника должна быть заправлена, и всё тут. Устроившись в кабине и пристегнувшись, я взлетел (тут обочина ровная, я предварительно пробежался, посмотрел) и, набирая скорость и высоту, направился в сторону Гданьска. Пережду время до начала войны там, на Балтийском берегу.

А пока летел, размышлял, и нет, не о планах своих будущих, а о стычке с полицейскими. К ним у меня претензий нет, они свою работу делали, разошлись, к счастью, краями, без последствий. А говорю я сейчас о своём физическом состоянии. Тело мне досталось парнишки пусть одарённого, но физически слабо развитого, рахитичного по факту. Физическими нагрузками он себя особенно не утруждал, кроме недолгого периода работы на конюшне.

В общем, в последние четыре дня я активно приналёг на тренировки, вон все мышцы болят, только недавно перестал ходить, как беременная баба. Возобновил тренировки боя на шашках с боцманом – тот, кстати, от новостей с последними событиями быстро отошёл, одним из первых. Штурман также продолжал меня учить, всё необходимое имелось, в

том числе и инструмент. Так и высчитали, где мы находимся. Так что физически я был пока не сильный боец, поэтому и не оказал полицейским сопротивления, ставку сделал на огнестрельное оружие. А то, что я слил информацию о себе, меня мало волновало, хоть слышали нас человек двадцать, что рядом были, полицейские и случайные прохожие из покупателей. Пусть бывшую команду мою берут, а то ишь, решили социалистам и большевикам помочь. Сейчас они не те, что через тридцать лет, это совершенно разные люди и разные поколения. Ну и мне интересно, что из всего этого получится, вытянут ли информацию? Изменится ли история? Вот и удовлетворю любопытство.

А эти полтора месяца мне нужны. И не только для изучения нового умения, но и чтобы физически подтянуть это немощное тело. Может, для местных Андрей Басов, тело которого я занял, и был вполне крепким пареньком, для меня слабость моего нового тела была очевидна. Связки не разработаны, мышцы слабые, скорости реакции никакой. Хорошо, тело молодое, не всё потеряно, нужны лишь время и приложенные силы. Было бы у меня прошлое тело, я бы тех полицейских раскидал без проблем, вырубая мощными ударами кулаков, хотя некоторые на две головы выше меня были – понабрали здоровяков в полицию. Но мастерство в боксе навсегда со мной, его сменой тела не потеряешь.

Самолёт БФ-108, в кабине которого я находился, ровно гудел мотором на трёхстах километрах в час. До Гданьска

было где-то девятьсот километров по прямой, дальность моей машины – тысяча километров, топлива с запасом, летел я на двухкилометровой высоте. Через три часа полёта (благо в туалет сходил, но к концу полёта уже тянуло до кустиков) я начал изучать береговую линию, не на предмет места для жительства, а в поисках подходящего места для посадки. Всё же «мессер» к этому куда более требователен, чем связной «Шторх», но вместе с тем и удобнее, скоростнее. У каждого свои плюсы и минусы.

Воды Балтики не были пусты, тут и там я видел дымы от разных судов. У одного, похоже, это боевой корабль, дым белый и его было не так и много. Видимо, на хорошем угле шёл. Что за тип, не знаю: далеко, на горизонте.

Уже вот-вот должно было стемнеть, когда я нашёл надёжное место для посадки. Это была дорога, тут я хотя бы уверен, что не напорюсь колесом на кочку, пенёк или покрытый мхом камень. На самом деле Взор в моих поисках здорово помогал, но длинного и ровного участка я долго найти не мог, и дорога оказалась очень кстати. Нашёл участок длиной в четыреста метров, подходящий для посадки, и посадил там самолёт. Дорога была пуста, только вдали виделись крестьяне на двух телегах, торопились куда-то добраться до темноты. Меня они видели, не могли не видеть: я над головами у них летал, пока искал место для посадки. Да и у жителей двух деревенок засветился. До самого Гданьска я не долетел, до него оставалось километров шестьдесят.

После посадки я провёл обслуживание самолёта, его требовалось заправить и долить моторного масла. Ну и заодно и «Шторьх» обслужил и заправил. Потом достал мотоцикл-одиначку и, двигаясь следом за метавшимся пятном света от фары, покатил в сторону берега. Тут недалеко, полтора километра до него. Двигался без дороги, Взор помогал, так что доехал спокойно, не побился. На берегу я поставил палатку и разбил временный лагерь. Не постоянный, на полтора месяца до начала войны я подберу другое место, это не подходит, но для ночёвки оно вполне неплохо.

После ужина я пошёл к скалам и активировал умение создания големов и управление ими. Пока одним, но пора начать учиться, терять время я не собирался. Как всё происходило? Мне самому интересно было за этим наблюдать. От меня к глыбе камня в три моих роста полетело нечто едва видимое, святящееся, похоже плетение, и впиталось в камень. Камень вдруг вздрогнул, с его верхушки посыпались песок и мусор, а от боковой части с хрустом отделилась человекоподобная фигура, её контур остался в камне. Я светил фонариком, наблюдая, как фигура голема отделилась от камня, сделала два шага вперёд и замерла по моему мысленному приказу. Ха, а я думал, даже ходить его учить придётся. Нет, сам ходит. Хм, и управлять им не так уж сложно.

Пока он стоял, я на пробу отправил в камень второе плетение – и ничего не произошло. Но я вдруг резко ослабел – аж ноги подкосились – и шлёпнулся в траву. Ясно, трениро-

ваться нужно, силу нарабатывать. Отдышавшись и набравшись сил, я встал, а голем все эти два часа моей передышки так и стоял, сил на него я тратил не так и много. А на меня жор напал, так что я достал из Хранилища очередной котелок с молочной кашей и начал быстро набивать желудок, мысленно управляя големом. Действительно, не сложно.

Выдал ему ручной пулемёт ДП, без диска, и голем бегал, ползал, занимал позиции, окапывался – нормально, как боец неплох. По силе – очень силен. Легко поднял мой мотоцикл, потом валун, весивший тонны две, не меньше. И он очень быстрый, быстрее человека, скорость завтра на дороге замерю, как и дальность управления. Выглядел он как человек, только черты рубленые. Ещё я отметил, что фигуру он копировал с меня – те же рост и телосложение. Только одежды нет, показывать его людям явно не стоит.

Ладно, сегодня тренировки с каменным големом закончены. Я развоплотил его, и на месте голема осталась только кучка камней. Завтра поработаю с земляным големом, потом с песочным, глиняным... А какие там ещё почвы есть? Ладно, разберёмся. Будем учиться. Заодно спланирую свои действия.

* * *

Взглянув в очередной раз на наручные часы, я стал стеком отбивать на голенище сапога чечётку, сбив шлемофон тан-

киста на затылок. За прошедшие полтора месяца я, воспользовавшись своей библиотекой, изучил немало книг о начале этой войны (там и мемуары были) и узнал, что началось всё с удара немцами по городу Калиш, это в Царстве Польском. Однако день настал, уже наступил вечер, сонные пограничники продолжают нести службу, а немцы границу так и не перешли, хотя готовились – я ночью пролетал над их частями.

Что это значит? Или я со временем ошибся, что вряд ли, всё точно, или те трое немцев всё же добрались до своих – вот это как раз вполне возможно. И похоже, им поверили. А немцам сильно подфартило: три офицера со знанием будущего, да ещё и опытные лётчики. Уверен, уровень авиации в Германии скоро подскочит на порядок, немцы теперь будут знать, куда стремиться. Меня это волнует? Ничуть. То же самое можно сказать и о России. Команду мою бывшую точно разговоят и подтолкнут к сотрудничеству, а у них много информации по подводным лодкам. И пусть они пользователи, а не создатели, но главный механик цел, много что может сообщить о технологиях будущего, тем более что он и немецкие «девятки» хорошо знал.

Однако задерживаться я всё же не стал. Хорошо, танк не стал доставать. Да, я собирался встретить колонны немецких войск атакой танка, специально приготовил для этого Т-28. К слову, у меня имелась вся линейка боевой техники СССР, как, впрочем, и Германии. Коллекции собирал. Так что если

у меня, к примеру, есть плавающие танки Т-37А и Т-38 обеих серий, то обязательно в двух экземплярах, да ещё с полными баками и боезапасом. И когда я говорю, что у меня по два экземпляра каждого типа, то это относится ко всей технике, пятибашенным Т-35А в том числе. Про КВ и «тридцатьчетвёрки» я уж и не говорю. Вся техника на ходу и готова к бою.

Но тут я решил использовать именно Т-28 из-за достаточно большой огневой мощи и скорости движения боевой машины. Жаль, всего один танк задействовать смог из-за недостатка экипажа. Полтора месяца я не только себя изводил изнурительными тренировками (до приемлемого результата ещё далеко), но и работал с големами. За это время я научился использовать всего двух големов, но зато уверенно, на все сто. Чую, ещё пара недель, и мне третий откроется, но пока у меня два помощника. К слову, я думал: разная почва – разные големы, будет проще с управлением и созданием. Например, каменного могу одного создать, а песочных – двух. Да ни фиги, никакой разницы не заметил.

Так эти полтора месяца на Черноморском побережье и провёл. Откуда Чёрное море? Да что-то холодная вода на Балтике, а купаться я любил, вот я и перебрался под Ялту. Так время и пролетело в тренировках. Развивал своё тело и, кстати, спарринги с песочными големами проводил. Также выяснил, что дальность управления не превышает километра, и, зараза, качать не получается. Не дальше километра, и

точка. Читал также книжки по истории, много нового узнал. Нашёл молодку на окраине Ялты и снимал у неё комнату, ну, заодно и соблазнил. Та женщина страстная, мне её одной вполне хватало. Вся сотня на тот отдых и ушла, коней банды я в Симферополе на рынке продал. Хорошо время прошло.

А за сутки до начала войны (которой, похоже, не будет) я вылетел ночью к городу Калиш. Да видимо, зря. Не то чтобы я на это рассчитывал, но прикидки такие у меня были. Было бы хорошо, если бы немцы с русскими заключили союз против британцев и французов, но это уж совсем сказка. Хотя если Николай узнает, что с его страной и его семьёй случилось благодаря этим так называемым союзникам, может, и передумает: чувство долга перед своей семьёй и страной перевесит обязательства перед союзниками.

Даже гадать не хочу. Мало ли в какую сторону его торкнет. Но то, что о войне русские знают, видно: войска приведены в полную боеготовность, а пограничники изображают мирную службу. Значит, моряки моей бывшей команды попали в руки кому нужно. Это хорошо. И нет, за судьбу их не волнуюсь, мне на них плевать.

А отдохнул я действительно хорошо. Подготовка подготовкой, но я обязательно выделял час на отдых, купание или милование по вечерам с хозяйкой дома. Она вдовая, мужа потеряла во время Русско-японской, он матросом на броненосце был. И нет, броненосец цел, он даже акваторию Чёрного моря не покидал, просто несчастный случай. Детишек

у них не было, да и женаты были всего несколько месяцев. Вообще, нижним чинам не очень охотно дают связать себя узами брака: мол, они полностью должны отдаваться службе, а не женщине. Однако из-за войны мужа хозяйки призывали вольнонаёмным, так и получилось. Не то чтобы я прям хотел всё это знать, но спали мы в одной постели, хозяйка говорливой была, вот и выяснил такие подробности.

А жил я как дворянин: носил дорогие одежды, крутил на патефоне пластинки Петра Лещенко. Он пока неизвестен был, но песни хозяйке нравились. Я занимался у неё в саду, шашками под музыку махать самое то. Так и проходили у меня дни. Утром тренировки до изнеможения, потом бегом на пляж, купание, а после, отойдя в сторону и убедившись с помощью Взора, что свидетелей нет, я активировал големов – сначала одного, потом двух – и занимался ими. На языке армии это была физподготовка, которая позволяла мне всё лучше и лучше ими управлять. Спарринги между големами устраивал. Так до обеда. После обеда – снова на пустырь к големам, снова занимался с ними. Вечером – длительная тренировка до изнеможения, потом снова на пляж, купаться. Ну и ужин. Потом отдых, и хозяйка уже готовая ожидает в постели. Не жизнь – красота.

Выяснил, что големы действительно умеют всё, что и я: и на мотоциклах ездить, и пилотировать самолёты, водить танки, машины, корабли и суда – да всё. Поставил задачу, и можно не отслеживать, всё выполняют. Зачатки разума у них

всё же есть, хоть он и напоминает у них программы. Сложно объяснить, просто поверьте на слово. Спать им не нужно, отличные работники. Правда, чем больше их, тем больше сил я трачу: да, на своё существование они силы у меня берут. Это заметно, даже и с одним поначалу было тяжело, быстро слабел, но когда наработал опыт и силу, уже без проблем мог сутками им управлять. Потом смог активировать второго, и снова слабость частая из-за использования големов. Сейчас уже всё отлично, но как начну тремя сразу пользоваться, снова, чую, так же будет. И так до пятого голема. Ничего, переживём.

Откинув ветку ивы, используемую в качестве стека, я снял шлемофон и убрал его в Хранилище, комбинезон, перебитый ремнями, пока оставил. После чего, развернувшись и недовольно бурча, направился к полю, там отличное место для посадки. Добравшись до этих краёв сегодня перед рассветом, я совершил там посадку. Ждать, думаю, не стоит: война может начаться завтра, послезавтра, в следующем году. Поди дождись. А я уже настроился на бои, эти полтора месяца меня, конечно, расслабили, но тем более уже хотелось сменить обстановку и встряхнуться. А тут я, похоже, в пролёте.

Значит, двигаем в Атлантику. С немцами пока воевать не буду, но вот работать против британцев под видом германской подлодки (а «девятка» у меня имеется) – это будет шик и блеск. Начать можно со Средиземноморского флота бри-

танцев. По мемуарам одного русского моряка, немцы там загнали Средиземноморскую эскадру в Константинополь. Пока караулят её. Обстрела русской Либавы двумя германскими крейсерами, похоже, тоже не будет.

Поднявшись в воздух, мой «мессер», который я так часто использовал, потянул в сторону Крыма, там сменю машину на гидросамолёт. А пока прикидывал расклады и заодно крутил настройку радиостанции, ловя разные каналы, переговоры. Но о войне с Россией ни слова. Похоже, действительно не будет.

А в Ялте я не только готовился и отдыхал, но и не прекращал качать умения. Хранилище накачал ещё на пятьсот кубов, больше не получилось, времени мало на это тратил, только во время купания, но свободное место теперь есть. Исцеление поднял до шестидесяти пяти процентов. Взор накачал больше всего – шестнадцать тысяч семьсот двадцать два метра на данный момент. Пока новых опций у этого умения не открылось. Жаль. Да, это всё, что было со мной в этом мире в новом теле.

Планы я составить тоже успел. Будет война под видом германского флота с британцами и небольшой конфликт с японцами, что захватят Циндао, гарнизон там сдастся. Не то чтобы я что-то лично имел против японцев, но они ещё за Русско-японскую ответить должны, вот и решил воспользоваться моментом. Почему бы и нет?

Ну и под шумок потопить как можно больше судов и бое-

вых кораблей под звёздно-полосатым флагом. Пусть в войне они официально ещё не участвуют, но это моя личная ответственность за то, что сдали британцам координаты моей субмарины. Связь-то я с их штабом держал, слить только они могли. Так что пусть их земляки здесь отвечают. Да и вообще, не люблю я их. Это, по-моему, у каждого русского на подсознательном уровне. Американцы, будучи нашими врагами, столько строили из себя наших союзников, что неприятие сформировалось на подсознательном уровне. Холодная война впоследствии это отношение закрепила, а девяностые так и вообще приклеили намертво.

С дозаправкой я добрался до Крыма, сел неподалёку от Керчи, там сменил самолёт и полетел дальше. Новости узнал. Всё тихо, но один интересный намёк всё же был: в газетах появились статьи, хвалившие немцев и ругавшие Антанту. А это уже звоночек.

* * *

Очнувшись и вынырнув на поверхность, я, отплёвывая воду, заорал от ярости и злобы. Всё пошло прахом, всё, что накоплено тяжким трудом, сгинуло! Все умения снова на нуле, снова качать нужно. Как я переродился? А всё просто – я снова умер. И причина банальна – поломка двигателя во время полёта, начавшаяся непогода и несчастный случай. Вот кто подобное мог предвидеть?!

Вылетев из Крыма на германском гидросамолете Ар-95, я на середине пути неожиданно попал в шторм, что двигался мне навстречу. Я сгруппировался, не повернул обратно, а полетел ему навстречу, решив подняться над облаками, однако эти гидросамолёты имеют небольшой потолок, и я не смог этого сделать. Тут ещё движок начал греться, пока не стукнул. К тому моменту я уже надел ременную систему парашюта, а то летел без него, застегнул и, убрав самолёт в Хранилище, начал падать, удерживая равновесие, что при рывках ветра не так-то просто.

Когда до поверхности моря осталось метров триста, я дёрнул за шнурок – тут не было кольца. Купол открылся штатно, но налетевший шквал закрутил меня, да так, что я запутался в куполе и рухнул на воду. От удара по факту разбился, потеряв сознание, а потом и захлебнулся, ничего сделать не успел. Вот такие дела. И всё, всё, нажитое непосильным трудом, всё сгинуло! Я это первым делом проверил. А ведь такие планы были! И ничего не поделаешь, сам виноват. Ведь думал же повернуть и переждать ненастье в Крыму, так нет, самомнение подвело. Вот и получи.

Ладно, потом поною и постенаю, а сейчас нужно понять, что вообще происходит. А то чую, времени мало осталось, вода ледяная. Вокруг темень, явно ночь, голова привычно болела – снова травма. Осматриваясь, я поднял левую руку, подрабатывая ногами, и залечил открытую рану на темечке. От неё, похоже, и умер прошлый владелец тела. Полностью

не залечил, травма серьёзная, с оскольчатым переломом черепа. Череп залечил и убрал кровотечение, остальное сделаю, когда Исцеление снова зарядится, а то много на диагностику ушло, а остальное на то, что смог исцелить.

Одежда, бывшая на мне, стесняла движения, она и указывала на то, что это тело с прежним хозяином в воду попало не само, явно что-то случилось. Рядом раздавались шум, крики, стоны, женский плач и зов, ну и плюс треск дерева, шипение, вроде как пар с котлов спускали, бульканье воды. Похоже, рядом тонуло судно, но темнота из-за низко нависших облаков не давала рассмотреть, что происходит, только тени вокруг виднелись.

Неподалёку от меня кто-то шлёпал руками по воде. Взор работал на десять метров, доставал, и я увидел, что там ребёнок, девочка лет десяти, обессилев, пытается удержаться на поверхности, уже явно успев нахлебаться воды. Загребая воду мощными движениями ладоней, я подплыл к девочке и ухватил её за волосы, когда она, уже вконец обессилев, ушла под воду.

Вытащив девочку на поверхность и удерживая её за шею, я дал ей откашляться и негромко произнёс:

– Тише. Не паникуй. Всё будет хорошо.

Успокоить ребёнка удалось с большим трудом.

Удерживая девочку за шею сгибом правой руки, левой я стал загребать в сторону какого-то предмета неподалёку, помогая себе ногами. Девочка только хрипло дышала, вцепив-

шись в мой локоть обеими руками.

Предмет оказался перевёрнутой судовой шлюпкой, в которую уже вцепились трое человек, все мужчины.

– Нужно её перевернуть, иначе долго не выдержим, замёрзнем, – сказал я, подплыв к ним.

Девочку пришлось переместить за спину, и она вцепилась в мою шею, едва не удушив меня. После этого я принялся командовать (никто другой не претендовал на это дело), и мы вчетвером смогли перевернуть шлюпку. Подниматься на борт я пока запретил, а вот девочку закинул в шлюпку и, чтобы занять ребёнка, велел ей вычерпывать ладошками воду. Причём поторапливал, чтобы она побыстрее работала, а то мы тут, мол, замерзаем. Девочка не замерла и не впала в ступор, а активно принялась за работу, вода довольно быстро выплёскивалась за борт. Сам я тем временем пообщался с мужчинами, пытаюсь выяснить обстановку, объяснив им, что получил чем-то по голове и ничего не помню, даже имени своего.

Чуть позже двое мужиков смогли подняться – шлюпка их уже держала – и начали помогать девочке. Да и нас прибавилось: ещё пятеро подплыли, двое из них держались за обломки досок. То, что вокруг русские, я понял сразу, ещё при перемещении, по мату и крикам. И то, что время не сильно изменилось, тоже было ясно. Платье у девочки было старомодное, а поверх него ещё и пальто, наглухо застёгнутое. Как раз такие я и видел в четырнадцатом году, или похожие –

я в этом не очень разбираюсь. Судя по воде – холодная! – осень или весна, если это Чёрное море (для зимы не такая и холодная).

Общение с потерпевшими кораблекрушение только подтвердило мои версии. Грузопассажирское судно купца Трифонова «Анастасия», шедшее из Милана в Одессу, через сутки после Черноморских проливов на полном ходу столкнулось с каким-то судном и тут же пошло ко дну. Судно оказалось турецкой парусной шхуной, один из спасшихся турок подплыл к нашей шлюпке, по-русски он худо-бедно говорил, так что разобрались.

Кто я – без понятия, память ещё не проявилась. В шлюпке нас набралось одиннадцать человек, и никто меня не опознал, включая турка. Да и темно было. Одет я был в пижаму и тёплые шерстяные носки, значит, из пассажиров, не моряк из команды, это точно. И похоже, не бедный, если судить по пижаме. А год всё же уже не тот – тысяча девятьсот третий, осень, начало ноября. В Русско-японскую меня закинуло.

Когда мы устроились в шлюпке, я отдал корму женскому полу, их и было-то всего трое, включая девочку. На моё командование никто не возражал, все были ошарашены случившимся. Я велел всем снимать с себя одежду и выжимать, потом одежду снова надеть и греть друг друга телами, а иначе замёрзнем. Сам первым снял рубаху и стал выжимать её. Не сразу, но вокруг началось шевеление. Сначала мужчины выжали одежду, женщины отвернулись (да и поди тут рас-

смотри что-нибудь, в такой темноте), а потом трое мужчин встали спиной к женщинам, и уже те занялись собой. Вообще, нужно было дать им первыми сделать подобную выжимку, но они отказались, предоставив нам начинать.

Узнал, почему двое мужчин, одна женщина и девочка были в уличной одежде, а не для сна. Оказалось, им устроили торжественный ужин на палубе: у матери девочки (она, к счастью, спаслась, ухватившись за створку двери) были именины, и родилась она в одиннадцать часов вечера, а в этой семье было принято начинать праздновать в момент рождения. А в полночь произошло столкновение.

Тут люди немного отошли, среди выживших оказался боцман с судна, он и принял командование. А я тем временем обнаружил, что у Хранилища появилась дополнительно опция, которой раньше не было, какого-то резервного склада. Надо его изучить. И вот, пока, загребая обломками досок вместо вёсел, мы рыскали вокруг места кораблекрушения, криками подзывая спасшихся, я сидел у борта, машинально грёб и работал с этим запасным складом. И когда я разобрался, что это, я готов был вскочить и плясать от радости, оглашая окрестные воды счастливыми криками.

Как бы понятно объяснить? В общем, перед моей смертью, ну или во время её, всё, что находится в Хранилище, отправляется на этот резервный склад. Всё, что я добывал в первой жизни, второй и последующих, всё было там, то есть я не потерял свои запасы! И пусть умения и обнулились,

но это не страшно, снова наработаю. Главное, есть доступ к резервному складу, и я смогу забрать нужное мне. Правда, был ещё один момент: просто так забрать что-либо я не мог, нужно было оставить что-то взамен. Продовольствие и животных, лошадей и другую живность – всё это можно было обменять на почву, смешанную с водой (ил также отлично подойдёт): от земли пришли, на землю и сменяем. Железо можно обменять также на железо – пусть дряхлое, ржавое, но обмен по весу.

Отлично, да? Так что ничего я не потерял. Хорошо, при складе имелось описание, что это такое и что внутри, так что я знал, что теперь делать.

Согреться не удалось, меня бил озноб. Оказалось, тело простужено, и простуда эта застаревшая, не недавно полученная, тело досталось мне больным. Исцеление уже зарядилось, и с его помощью я окончательно убрал последствия травмы. На простуду уже не хватило, оттого и была меня крупная дрожь. Похоже, началось воспаление лёгких, кашель замучил. Ничего, как только зарядится опция, вылечу себя.

Кроме нашей шлюпки обнаружили ещё две, на одной из них был капитан. Наша шлюпка могла принять около двадцати человек, а приняли мы двадцать два, сидели, плотно прижавшись друг к другу, грелись. Я сел у борта и, опустив руку в воду, качал пока пустое Хранилище. Было сто кубов, успел один куб сверху накачать. Да и Взор качал, уже один-

надцать метров с мелочью, а не десять.

Кстати, меня опознал поднявшийся к нам в шлюпку помощник капитана, капитан на другой лодке был. Начали перекличку и дошли до меня. Этот помощник оформлял меня на борт, поэтому данные помнил. А попал я в тело восемнадцатилетнего мелкопоместного дворянина, звали его Константином Николаевичем Ореховым, и прописан он был в Омске. То ли отдыхал он во Франции, то ли дела у него там были, но возвращался он на родину. Это всё, что было известно о нём помощнику.

Ах да, Константин прошёл на борт уже будучи простуженным. Снял одноместную каюту, и стюард постоянно носил ему грелки и тапки с горячей водой, да стаканы с чаем и вареньем. Каюту он не покидал, лечился. А как в воде оказался? Так тут всё просто: каюта на носу, а нос отвалился после удара в борт. Вот так в воде и оказался, заполучив где-то травму головы. Это всё, что я смог узнать о прежнем хозяине тела. Помощник ещё неуверенно добавил, что Орехов вроде как учился во Франции на судового инженера, он обмолвился об этом при регистрации на борт. Студент, значит? А чего во время учёбы домой сорвался?

Перед тем как уснуть, я залечил простуду, убрал воспаление лёгких, которое действительно началось, кутаясь во влажную пижамную рубашу, под которой ничего не было, прижался к соседу справа и вскоре уснул. Шлюпки шли в сторону Крыма, вроде как до него ближе всего было. У од-

ной из шлюпок сохранились вёсла, и она взяла на буксир две другие. Вот так и двигались до рассвета.

А шхуна затонула, удар серьёзным был.

Спал я вполглаза, поди тут усни: шлюпку качает, соседи будят. А на рассвете на горизонте мы разглядели дым, который приближался к нам. Махали руками и тряпками, пытаюсь привлечь внимание, и нам это удалось. Крупное судно было нашим, российским – зерновоз шёл в Англию. Нас подняли на борт, две наших шлюпки тоже, оставив самую крупную на буксире, и направились в Турцию. Однако, к счастью, сходить на землю турок нам не пришлось: мы встретили другое судно – француза, шедшего в Одессу. Нас передали на него, и на этом судне мы и добрались до нашего города.

Ещё на первом, российском судне команда и пассажиры, бывшие на борту, помогали потерпевшим, чем могли. Кроме того, я с удивлением узнал, что Дворянское собрание обязательно помогает таким вот потерпевшим кораблекрушение из своих, дворян, и так как с нашего судна спаслись трое дворян, мы вполне могли рассчитывать на помощь. Да и остальным потерпевшим в помощи не отказывали, не только дворянам. Однако я не видел смысла обращаться в Дворянское собрание. С документами они мне не помогут, разве что выдадут временную справку о потере, а восстанавливать документы придётся в Омске.

Пока мы добирались до Одессы, у меня было время подумать, и я решил, что стоит получить эти документы. Что ка-

сается одежды, то у меня был отличный, пусть и ношенный, но чистый костюм матроса, обувь уже чуть хуже – стоптанные ботинки, – но моего размера. Были также тёплое пальто и шапка, и довольно холодный ветер меня не беспокоил, хотя простуду я за это время лечил дважды. Простудились все, один я сейчас бодрячком на палубе наблюдал, как на борт, сразу после того как мы причалили и спустили сходни, поднимаются врачи и комиссия.

Врачи занялись потерпевшими, комиссия – случившимся столкновением. Здесь же присутствовали и дипломаты из консульства Турции. Турки не ушли к каналу, чтобы сойти у Стамбула, и у них были причины для этого: именно капитан русского судна нарушил правила судоходства. Он был должен пропустить шхуну, но рулевой по сторонам не смотрел, вперёдсмотрящий спал, помощник капитана, что был на вахте, куда-то отошёл, вот так до столкновения и дошло. Мне было интересно, поэтому к крикам турецкого и русского капитанов я прислушивался с интересом. Так, созвав свидетелей, и разобрались в причинах. Так что турки здесь, чтобы требовать компенсацию, оба судна оказались застрахованы. Это меня уже заинтересовало меньше.

Врачи обследовали меня и решили положить в больницу; поставить диагноз они пока не могли, но записали данные обо мне, которые сообщил им помощник капитана. От больницы я отказался, не слушая никаких возражений, и в Дворянское собрание обращаться не стал. Получив от админи-

страции порта справку о случившемся, я отошёл к берегу, где лежали старые, дырявые рыбацьи баркасы и шлюпки, которые почему-то до сих пор не пустили на дрова.

Но моё внимание привлекли не они, а выбросившийся на пляж буксир.

Я уже в курсе, что это за судно, местный старожил в порту рассказал мне, что с ним случилось – его протаранило другое судно. Котлы и всё ценное уже сняли, остался, по сути, один каркас, но корпус металлический, что редкость в это время. Значит, я могу обменять корпус этого буксира, да и часть баркасов, на необходимое мне – стрелковое оружие, одежду, пару единиц техники, машины там, ну и самолёт с запасами бензина. Поучаствовать инкогнито в конфликте на Дальнем Востоке я очень даже не прочь, а быстрый способ добраться до тех мест – это самолёт. И да, надо починить мой гидросамолёт, запчасти есть, и даже запасной мотор.

Не стоит думать, что я человек войны, вот прям делать мне нечего – дайте повоевать. Всё куда проще: я решил не упускать возможность получить боевой опыт на разной технике, и война мне в этом поможет. Так что приготавливаю самолёты, американские «бостоны», что у британцев забрал, пойдут как штурмовики, противокорабельные бомбы в наличии были, из немецкой техники «лаптёжники», пусть всего девять, зато новенькие, и бомб в достатке. Из-под воды, с вод моря и с воздуха я буду гонять японцев, набираясь необходимого мне опыта; если уж честно, именно это и было ос-

новной целью моего участия в империалистической, месть всё же на втором месте. Войны для того и существуют – для получения армиями опыта и для совершенствования боевой техники. Войны покажут, что лучше и что хуже.

Я ушёл за город, нечего на берегу маячить, а то всё пропадёт, и на меня свалят, раз видели рядом. Отойдя подальше, я активировал появление голема. Местный известняк на их тела отлично шёл. Слабость лёгкая была, но ничего, через неделю она исчезнет. Вот так и стал работать с големом, гоняя его в разные стороны.

За трое суток, прошедших с момента попадания в это новое для меня тело, я раскачал Хранилище уже на сто шестьдесят кубов, а Взор – до семидесяти метров. И вот, занимаясь с големом, я обнаружил недалеко от берега разбитый о скалы паровой катер, на котором было много металлических частей. Отправил за ним голема, и тот, уходя под воду, доставал обломки металлического корпуса и выносил их на берег. А я тем временем, сидя на валуне, на который накатывались волны, продолжал качать Хранилище.

Когда голем собрал все обломки в кучу на берегу, я пошёл к этой куче металлолома и мысленно обменял всё, что тут было, включая поросший ракушками бочонок парового котла, на нужное мне из резервного склада. Работает! Чёрт, работает! Надежда сбылась! Всё отлично! Куча на глазах медленно испрялась, а у меня в Хранилище появился мой любимый комфортабельный «мессер», тот, что Vf-108,

пять бочек с топливом для него, ножной топливный насос и шланги. Из оружия – ППШ с ящиком патронов, ДТ с боезапасом и два пистолета Кольта. На этом пока всё, на большее металла не хватило. Бензин я обменял на морскую воду, а бочки – на старое железо. После этого ещё прогулялся по берегу, и не зря: до темноты нашёл в воде ещё две шлюпки. Голем их вытащил, но железа в них было мало, на ещё один ППШ хватило, а на пулемёт уже нет.

К этому времени как раз стемнело, и я не стал развеивать голема, а вернулся с ним к буксиру. Останки буксира я также пустил на обмен вещей и вооружения на складе. Тут металла хватило на английский легковой мотоцикл, на немецкий тяжёлый БМВ с коляской и пулемётом, на внедорожный «додж» с крупнокалиберным пулемётом на зенитной треноге в кузове машины. Ну и на запас топлива и моторного масла для всей техники – двадцать бочек набралось. В принципе, это всё. Не такой и большой этот буксир был. Шлюпки и баркасы тоже пустил на мелочовку разную, брал самое необходимое. Песок и ил у берега обменял на запасы продовольствия. Жаль, металла на полевые кухни с готовыми блюдами не хватило. Но проверил: готовые блюда ещё горячие, поел. Хранилище заполнилось на треть.

Потом я отбежал в сторону от города и, проверяя голема, усадил его в кресло пилота, поднял «мессер» в воздух и полетел в сторону Омска. Я решил восстановить документы на имя Орехова, вдруг пригодятся, а потом отправиться на

Красное море. Я там уже отдыхал и был в восторге. Там и проведу время до начала войны с Японией.

Пилотировал годем отлично, на моём уровне, так что я велел ему разбудить меня перед посадкой – по картам она будет в районе Царицына, не долетая. Потом мы совершим ещё четыре посадки на дозаправку, прежде чем доберёмся до Омска. Далеко он.

Но подумав, я изменил маршрут. Зачем летать на такое расстояние дважды? Сейчас полечу на Красное море, а перед войной с Японией вылечу в сторону Порт-Артура и по пути залечу в Омск, где сделаю документы. А то по справке получится: сошёл в такое-то время в Одессе, а уже через день-другой – в Омске. Как-то не связывается.

Всё, решено. Меня ждут отдых и тренировки. Тело мне досталось вполне неплохое, видно, что занимались им. Рука правая тренирована, видимо к шашке или сабле привыкла, но ещё усилим, тем более я в последнее время обе руки разрабатывал: амбидекстром хотел стать. Ну и опции с умениями качать будем.

* * *

Неторопливо шагая, я махнул рукой, останавливая санную пролётку, а устроившись на сидушке, велел вознице везти меня к мэрии Омска. Сегодня первое февраля, до начала войны время пока есть.

Что касается подготовки, то по прошествии трёх месяцев мне подчинялись уже четыре голема. Четвёртого я смог начать вызывать три дня назад, и пока ещё чувствовалась слабость от управления сразу четырьмя големами, но постепенно, с каждым днём активной работы с ними она снижается. Ну, это не в первый раз, так что привычно.

На дне Красного моря я обнаружил множество судов, даже броненосец чей-то старый нашёл, с деревянным корпусом. Големы спускались на дно, поднимали обломки на борт купленной мною шхуны, и я обменивал их на то, что мне было необходимо. За три месяца я накачал Хранилище почти на три тысячи кубов, Исцеление – на двадцать семь процентов и на две тысячи четыреста пять метров – Взор. Пока неплохо, да и заметно, что скорость прокачки умений выше, чем в других жизнях, пусть ненамного, но всё же.

Третью всего, что я в прошлых жизнях накопил, сейчас уже находится у меня в Хранилище. Это все подлодки, бывший британский эсминец, топливо и боеприпасы к ним с запчастями. Коллекции моих танков, часть авто и бронетехники. Оружие разное. Даже все яхты, захваченные у немцев, и то были. Я потом на одну из них, моторную, пересел, продав недавно купленную шхуну.

Добавлю ещё немного. Тут через Суэцкий канал британский крейсер проходил, а место у меня в Хранилище для него было, вот я его и позаимствовал. Убивать команду не хотел, всё же войны нет и сами они на меня не лезли, так

что просто отобрал корабль. Британцы очнулись голыми на берегу Египта, когда кочевники уже вязали их в рабство, но это уже не моё дело. Сам корабль новенький, в строй ещё не введён, по сути, это его первые ходовые испытания, на борту были инженеры с верфи. Первый в своём типе «Джем», назывался «Топаз». Три тысячи тонн водоизмещения, скорость – двадцать один узел, две паровые машины и десять котлов. Неплохой кораблик. Толкну кому-нибудь, мне-то он без надобности.

Вот так эти три месяца и пролетели. Загорел до черноты. Да, кстати, у меня неплохая книга завалялась в библиотеке, сорокового года издания, «Порт-Артур» называется, автор Степанов. Так вот, я её отправил из Новороссийска адмиралу Макарову срочной бандеролью. Прервал на день свои тренировки на Красном море и, слетав, отправил.

Полёт до Омска мне не запомнился совершенно, я банально проспал его в комфортабельном салоне «Дугласа» представительского класса. За штурвалом сидел один из големов. Долетели с одной дозаправкой (я смутно помнил, как доставал для неё бочки с топливом). Сели на лёд озера, посадка прошла благополучно, хотя и потрясло. Кстати, самолётами я пользовался только ночью: не видно, и ладно, а что там в небе гудит – поди знай.

Самолёт я отправил в Хранилище, голема развоплотил (у меня в Хранилище есть в запасе несколько ящиков с камнями и почвой для их тел). Потом достал «додж», сел за руль

и погнал в сторону Омска, тут километров двадцать, хотел до рассвета успеть. Снежные заносы изрядно мешали, я уже думал было сменить «додж» на гусеничную технику, но всё же добрался.

Машину убрал, пешком добрался до окраин города, снял номер в трактире (их сдавали на втором этаже) и заказал баню. Пока мылся, наблюдал, как у меня кожа слезает рулончиками – загар сходит. Крепко тёр. Потом был плотный ужин (у меня вечер по внутреннему времени), а в десять часов утра я вышел из трактира и, поймав пролётку, направился в мэрию. Одет я был прилично, костюм приобрёл в Новороссийске; надо сказать, он был мне уже маловат, мышцы росли как на дрожжах, плечи раздались, однако пока носить можно.

Теперь скажу по потере памяти. Да, память Кости мне стала доступна ещё на борту нашего судна-зерновоза, однако я продолжал играть свою роль до конца, пока не улетел на берега Красного моря. Времени было достаточно, чтобы прикинуть: оставаться без памяти или всё же сделать вид, что всё помню.

Надо сказать, жизнь Кости Орехова была довольно занимательной. Он был сиротой. Отец погиб, когда ему и двух лет не было, а мать через год вышла замуж. Её новый муж тоже был из местных помещиков, и они как-то смогли продать оставшееся Косте от отца поместье, пусть небольшое, но приносящее доход, и таким образом оставили его без наследства. Константин в шестнадцать, на год раньше срока,

закончил экстерном гимназию и взбрыкнул насчёт полагавшегося наследства. Мать его к тому времени уже три года как умерла от родов, но оставила ему брата и сестру.

В итоге отчим оплатил ему учёбу во Франции. Язык Константин знал отлично, поступил в университет легко, но со второго курса вылетел пробкой. На него поступило заявление об изнасиловании от дочки хозяйки, у которой он снимал комнату: гулящая девка женить его на себе захотела. Тут без шуток, та ещё шалава, хоть и обедневшая дворянка. Константин подумал: а нужно ли ему такое счастье? Ну и рванул на родину. По дороге простыл, потом сел на судно, и вот такой конец.

К отчиму я не желал заваливаться, решил пожить в трактире, пока документы восстанавливают. Вообще, это дело небыстрое, но если подмазать, кого нужно, за пару дней, думаю, всё сделают. Причём сам я этим заниматься не хотел. Решил, что найму какого-нибудь пройдоху, что со всей этой кухней знаком, он и сделает. В мэрии я и надеялся найти такого помощника, они там обычно и работают.

В мэрии на входе я выяснил, в какой отдел мне нужно. Мою историю о кораблекрушении выслушали, сочувственно покивали и выделили мне местного служащего, из тех, что «принеси-подай» – молодой парнишка, моложе меня, что ещё находится в самом начале карьерной лестницы. Он и сопровождал меня к нужному отделу. Там писарь написал от моего имени заявление: я эти «яти» писать не мог и не

умел, поэтому подмазал писаря, сунув ему золотой червонец – мол, у него почерк красивый. Тот мигом написал заявление, сбегал к начальнику и завизировал, а заодно и описал мне всю кухню.

Да, насчёт пары дней на восстановление документов я немного погорячился, но, если подмазать, кого нужно, дня за три сделают. Ничего, резерв времени у меня есть, так что я направился к одному местному работнику, писарь подсказал, к кому следует обратиться.

Ещё в Новороссийске я продал одному еврею несколько золотых слитков без маркировок – обменял на местные деньги. У него нашлась необходимая сумма, что меня очень удивило, всё же пятьдесят тысяч рублей без малого. Так что сейчас я выдал работнику мэрии аванс в тысячу рублей, а потом мы катались на пролётке по городу (к слову, пролётка на мягком санном ходу была, почти не трясло) и побывали в разных организациях, включая Дворянское собрание Омска. Помощник этот, как паровоз, меня везде за собой тащил, без всяких очередей к кому нужно заходил и получал необходимые подписи и печати. Везде он и сам подмазывал кого нужно, я в это не лез. В итоге мне восставили паспорт гражданина, дворянский патент, загранпаспорт, метрику, аттестат гимназии – словом, все документы.

Три дня пролетели мигом. Я заново знакомился с городом. Лично я тут впервые, а воспоминания Орехова для меня мало что значат. Кстати, в полиции на имя Орехова имел-

ся приказ о задержании: та профурсетка всё же решила довести дело до конца, и полиция Франции отправила запрос по месту жительства Константина. Об этом мне сообщил помощник на второй день моего нахождения в Омске. А изнасилования не было, парня соблазнили, я просмотрел воспоминания прежнего хозяина моего нового тела. Так что тут подстава, вне всяких сомнений. Вообще, можно было бы разобраться, откупные дать (на что ему намекали), но денег у него не было, на еду едва хватало, Костя подрабатывал писарем в мэрии. Вот и решил пуститься в бега, а девка на принцип пошла.

Я, когда об этом узнал, уже хотел было тоже в бега уйти, но помощник сказал, что можно решить проблему иначе. Взял у меня три тысячи рублей и решил. Я посетил полицейское управление, следователь взял у меня показания и отправил копию во Францию через посольство. Мол, гражданин их империи тут вины не имеет, это попытка выманить деньги. Так что теперь российская полиция будет бодаться с французской, но это уже не мои проблемы. Документы я получил, и как стемнело, с того же озера поднялся в воздух и полетел в сторону Порт-Артура. За штурвалом уже сидел сам: практический опыт получить можно только так.

До Порт-Артура было чуть больше шести тысяч километров по прямой. Самолёт у меня не самый скоростной, но ночи тут длинные. Сначала одна посадка для дозаправки, потом – вторая. Во время второй выспался в салоне, включив

печку. Три вооружённых голема – двое с ручными пулемётами, а один со станковым МГ – охраняли меня снаружи. И не зря, местные китайские бандиты хотели напасть. В итоге на льду озера осталось больше двухсот тел. Големы стреляли мастерски, с рук, сшибая всадников с сёдел, причём ни один конь не пострадал. Потом пробежались, добили раненых и собрали трофеи. Оружие и лошади ушли в Хранилище.

А я дождался темноты и, взлетев, полетел дальше. Так и добрался до Порт-Артура, практически на последних каплях горючего. С посадкой глухо, пришлось сесть у дороги в степи: тут снега мало, сдувает ветрами. Потрясло, конечно, но посадка всё же прошла благополучно. Покинув салон, я дождался, пока големы закончат заправку, после чего убрал самолёт и големов и верхом на отличном рысаке, принадлежавшем раньше майору румынской армии, направился в сторону города, тут до него километров двадцать будет. Ближе не стал садиться: озёра были, но лёд тонкий, не выдержит, потому и сиделся в степи.

Что плохо, садился я на рассвете (хотя тут ночи и так не тёмные), и один конный разъезд меня точно заметил. Когда я выехал на дорогу и рысью направился к Порт-Артуру, они, как показал мощный бинокль, двинули к месту посадки. Следы там остались, замести позёмкой их не успеет, так что, думаю, найдут.

Одет я был тепло, хороший зимний костюм справил в Омске: полушубок овчинный, шапка из лисьего меха, унты –

вполне тепло и не продувается. На коня попону тёплую на-
кинул.

Выдыхая пар, конь нёс меня к Порт-Артуру. Я же мысленно пробегался по сделанному. Например, эсминец и американская подлодка обзавелись одинаковыми именами на русском, големы нанесли на борта название – «Летучий голландец». Флаги Андреевские я тоже приготовил. Буду работать под такого «Летучего». Силуэты у лодки и эсминца местным не знакомы, сейчас так не строят, да и не красят (у обоих камуфляжная раскраска), так что будем наводить тут панику. У эсминца ход – тридцать шесть узлов на максимальном. По сути, сейчас это самый быстрый корабль на планете.

Я прикинул, что вшестером мы вполне справимся с обоими кораблями. На эсминце я, стоя за штурвалом, командовал големами, и у меня получилось распараллеливать сознание на пять потоков. Раньше я так не умел, это, видимо, особенность четвёртого умения. Один голем работает в котельной, ему отдых не нужен и жара не мешает, давление вполне сможет поддерживать. Ещё один – в машинном отсеке, управляет машинами. Три других – в оружейных башнях главного калибра, держать точный и скоростной режим они смогут. По минимуму, но корабль на ходу и боеспособен.

Так же и с субмариной. Я у перископа в центральном отсеке. Два голема – за управлением, по одному – в носовом и кормовом торпедных отсеках для пуска торпед. И ещё один – в машинном отсеке, он же поможет перезаряжать аппараты

при нужде. Как видите, тут тоже лодка будет боеспособна.

А свои действия я не планировал, хотя знал, где кто будет. Просто охоту наудачу решил устроить. Те же итальянские броненосные крейсера, которые Япония купила и тайком сейчас перегоняет к себе (я в курсе), решил перехватить при удаче. С воздуха выслежу. Место в Хранилище пока только для одного, но я продолжаю качать и надеюсь, что успею наработать место и для второго.

Хм, а вон и окраины Порт-Артура на горизонте. Девять утра, город уже проснулся. Знаете, что я скажу? Всё же жаль, что на империалистическую не попал, вот там в Атлантике я бы развернулся. А тут что? Не война, скорее военный конфликт. Место действия небольшое, не развернёшься. Надеюсь, будет интересно.

– А вот это любопытно, – пробормотал я, приближаясь к окраине города.

На окраине расположился, по сути, блокпост с наспех сбитой хибарой, в которой грелись солдаты, тут же капонир из мешков и станковый пулемёт. А они разве были в начале войны?

Блокпост я проехал спокойно, документы на имя Орехова были в порядке. Узнал у вахмистра, где находится гостиница, и направил коня туда, изучая на ходу порт. И то, что я там увидел, меня заметно озадачило. Мелькнула мысль: бандероль, похоже, дошла до адресата, быстро Макаров развернулся. Или не он тут чудит? Я ведь ничего не писал, внутри

бандероли кроме книги ничего не было. Да и написал я просто: в столицу, адмиралу Макарову, в надежде, что найдут, где он живёт, адреса-то я не знал. Сотрудник почтовой службы, принимавший и запечатывавший пакет, подтвердил: найдут.

В общем, сейчас я видел, что флот явно готовился к выходу. Никакого сонного царства и в помине не было. А вот это уже интересно. Буду ждать того дня, когда японцы нападут, хочу увидеть своими глазами, точнее Взором (всё же тёмная ночь будет), к чему это всё приведёт. Макаров, зная, чего ожидать, думаю, достойно приготовится. Я уже в нетерпении.

К гостинице подошёл пешком, коня убрал в Хранилище в одном из пустых проулков, Взор показал, что этого никто не видел. Ну, кроме нескольких прохожих, которые могли видеть, как я верхом заехал в проулок, а вышел вскоре пешком, уверенно удаляясь вниз по улице.

Гостиница полна была, но один свободный номер всё же нашли – самый дорогой был пустым. Не моргнув глазом оплатил за неделю, взял со всеми услугами. После бани я устроился на чистых простынях, постель предварительно согрели металлической грелкой, похожей на сковороду, с углями внутри. Служанка – она явно из кореянок – ушла, а я в тёплом халате улёгся на кровати, достал гитару, обычную шестиструнную, и стал наигрывать.

Вообще, мне медведь наступил на ухо: слушать люблю, а

наиграть не могу. Однако для меня стало шоком, что в некоторых телах я приобретал способности к музыке, а в других снова терял. Костя Орехов неплохо музицировал, знал гитару и пианино. Он учился играть с малого возраста – мать настояла – и мог поспорить с профессиональными музыкантами. Да и во Франции играл в ресторанном оркестре по выходным. Голос у него был неплох, но солистом он выступал редко, иногда заменял, а в основном на подпевках был. Однако голос у него хороший, разработанный.

Я попробовал – получилось. Музыкальных инструментов в Хранилище хватало разных, даже несколько роялей было, вот я и скрашивал вечера собственным исполнением песен семидесятых-восьмидесятых годов, а помнил я их на удивление много. Вот и сейчас снова взялся за исполнение песен. На дворе день, так что соседям я не помешаю. А вообще, часовой пояс снова сместился, так что я пораньше лёг спать, чтобы привыкнуть.

Утром следующего дня я завтракал в ресторане на первом этаже. Ресторан принадлежал хозяину гостиницы, и для меня, как постояльца самого дорого номера, всегда тут был забронирован столик.

Я намазывал на тосты масло, свежее, это видно, когда ко мне подошёл жандармский ротмистр (судя по форме, я знаки различия уже изучил) и, учтиво поклонившись, представился:

– Ротмистр Северный, управление Третьего отделения

Порт-Артура. Разрешите?

– Прошу, – указал я тостом на стул напротив.

Мне даже интересно стало, что от меня нужно этому высокому чину. Думаю, он начальник всех жандармов в округе, звание вполне соответствует. Офицер сел, заказал чай подскочившему к нему половому и поинтересовался у меня:

– Вы, я так понимаю, Константин Николаевич Орехов?

– Всё верно.

Тосты маслом я уже намазал, так что приступил к чаю, с интересом поглядывая на офицера. Должен же тот разродиться и объяснить, что ему нужно.

– Интересная ситуация была с разъездом драгун. С их слов, на поле села большая птица, что ревела и не махала крыльями. Я там был, следы неизвестного механизма видел, как и следы коня, которые вели на дорогу и далее в сторону Порт-Артура. А в то время одинокий всадник был только один. Офицер на посту направил его в эту гостиницу, а портье указал на вас.

– Это сужает круг поиска, не так ли? – с заметной заинтересованностью произнёс я.

– Спрошу прямо: это вы проезжали через пост на въезде?

– Да, проезжал.

Я откусил кусок тоста и запил его чаем.

– Но мы не нашли вашего коня.

– Оставил в частной конюшне.

– Допустим. Что за механизм сел в степи?

– Птица Рух, – не моргнув глазом, сообщил я.

– Что? – явно не понял тот.

– Наша планета изучена едва ли на семьдесят процентов.

Естественно, не вся природа изучена, и мифическая птица Рух вполне может существовать. Видимо, она покинула обычные места своего обитания, и ваши драгуны её увидели.

– Но рёв?

– Вы ранее слышали крик птицы Рух?

– Нет.

– Вот и я нет, – промокая салфеткой губы, сообщил я.

Завтрак был закончен, но вставать я не спешил. Официант тем временем убирал посуду со столика.

Северный дождался, когда официант уйдёт с полным подносом, и поинтересовался:

– Хорошо, я спрошу прямо: как вы за двое суток добрались из Омска до Порт-Артура?

– Ого, ротмистр, впечатлён, – с лёгким восхищением протянул я, и тут же у меня мелькнула догадка: – Телеграф? Про него я не подумал. Да, прошедших суток вам вполне хватило, чтобы отправить запрос в Омск и получить ответ.

– И теперь встаёт вопрос: кто вы такой? – уже жёстким тоном добавил ротмистр.

Всё его прикрытие я уже давно вычислил: два десятка драгун ожидали снаружи, сидя в сёдлах, чтобы тут же подскочить и окружить здание.

Подняв руки, я негромко зааплодировал, чуть улыбаясь

уголками губ:

– Браво. Восхищён. Нет, правда, на высоком уровне работаете. Что по поводу того, кто я, то это тело ранее действительно принадлежало Константину Орехову. Он погиб во время столкновения двух судов в Чёрном море в ноябре прошлого года. Это тело досталось мне. Документы были потеряны, я решил их восстановить, что и сделал несколько дней назад в Омске.

– И кто вы? Неупокоенный дух?

Я расхохотался. Ротмистр сидел напряжённый, с прямой спиной, и ждал ответа.

Отсмеявшись, я, вытирая платком выступившие слёзы, сказал:

– А вы юморист, хотя отчасти правы. Действительно, неупокоенный дух. С этой стороны я о себе как-то не думал. – Снова невольно хохотнув, я всё же смог, хотя и с большим трудом, принять серьёзный вид и пояснил: – Раньше я был капитаном второго ранга, командиром подводной лодки океанского класса. Погиб со всей командой в Атлантике в тысяча девятьсот сорок втором году. К слову, я считался самым результативным капитаном на всех флотах и за несколько дней до гибели даже потопил флагман германского флота (а мы с ними воевали) линкор «Тирпиц». А уничтожили мою лодку британцы, наши союзники. Специально именно за нами охотились: мол, океан скроет эту тайну.

Я погиб и попал в тело Кости, когда он умирал. Душа его

покинула, и освобождённое место занял я. Ну а зная, что скоро начнётся Русско-японская война (до которой осталось несколько дней), решил поучаствовать. Я хоть и подводник и надводный флот слабо знаю, но командир опытный. Хочу устроить одиночную охоту. Тем более эта война будет проиграна Россией и станет долго считаться позором российского флота. Со мной в этот мир перенеслось несколько вещей и вооружение из будущего. Кстати, я отправил книгу об этой войне адмиралу Макарову.

– И вы хотите помочь?

– Это одна из задач, которые я себе поставил. Однако не стоит говорить о патриотизме и тому подобном. Разный менталитет, разное время, разное воспитание. Нет, патриотизм для нас один, воспитание сказывается, но всё же ситуация парадоксальная...

– Скажите, как дворянин дворянину... – перебил меня ротмистр, но тут уже я перебил его:

– Я не дворянин, и то, что имею документы Орехова, дворянином меня не делает. Дворянство в России было уничтожено народом с семнадцатого по двадцатые годы, дворяне были вынуждены бежать. России у нас нет, есть Советский Союз – государство, вставшее из руин Российской империи, государство, где ненависть к царизму и дворянству впиталась поколениями, где правят большевики и коммунисты. Парадоксально, но выбиться на высокие посты и чины можно имея только партбилет коммуниста и крестьянское или

рабочее происхождение. Но я им не являюсь, я из семьи интеллигентов. Всё заслужил честно в боях, топя вражеские корабли и суда.

– Что случилось?

– Война с Германией в четырнадцатом году, народ устал от неё. Великие князья решили править сами и заставили императора отречься в семнадцатом, угрожая его семье. Но большевики перехватили власть и устроили революцию. Много крови пролилось, погибшие исчислялись миллионами. История мне плохо известна, победили большевики, и они её писали, что там правда, а что нет, не могу сказать. Кстати, подарю вам книгу о революции семнадцатого года, надеюсь, впечатлит.

– А оружие?

– Нет, – сказал я тоном категоричным и уверенным. Сразу дал понять, чтобы не надеялись.

– А та птица?

– Самолёт. В будущем авиация станет отдельным родом войск. Пролетая две тысячи километров, самолёт способен сбросить около двух тонн бомб на мирные города – так делали британцы и американцы, мы по военным объектам работали – и вернуться на свой аэродром. Это один самолёт. Но поодиночке они не летают, десять-пятнадцать машин ковравыми бомбардировками сносят целые кварталы. Это как если десять дивизионов разом из шестидюймовок залп дадут. В этом и заключается причина моего появления: самолёты

есть, бомбы – тоже, даже противокорабельные, а опыта применения нет; для этого я здесь – получить опыт. К слову, пора заканчивать. И не стоит делать глупостей, обо всех ваших людях я уже знаю, в том числе и о двадцати двух драгунах снаружи. Шансов у вас никаких, а крови прольётся много.

Я провёл рукой над столешницей, и там появилась обещанная книга. Я встал, щёлкнул каблуками ботинок и, кивнув головой в знак прощания, направился к выходу из ресторана. Ротмистр не рискнул препятствовать моему уходу, потому как я достал из Хранилища двух големов, явно его впечатливших, которые и сопроводили меня к выходу.

В принципе, наверху, в номере, вещей моих не было, кроме тёплой верхней одежды и унт, вот за ними я и поднялся. Оделся в уличную одежду и, покинув здание, направился пешком в сторону набережной, по пути размышляя. Если сейчас у всех на виду достать гидросамолёт и взлететь, это может повлиять на японцев? Отложат время нападения? Хотя, думаю, даже подготовка русского флота вряд ли их остановит, скорее поторопит.

Однако я всё же рискнул. Достал немецкий гидросамолёт из линейки «Ар», мотор работал, прогреваясь. Это был тот самый самолёт, что убил меня в прошлый раз, я поменял двигатель с помощью големов, прошлый был неремонтопригоден, на запчасти оставил. Взлетал я на грани фола, льда на водах не было, впереди был борт крейсера, кажется «Дианы», но я всё же успел разогнаться и, оторвавшись от

вод бухты, пролетел в считанных сантиметрах от мачт корабля, оглушив рёвом мотора всех на палубе.

Набирая высоту, я направился в открытое море. Летел чуть больше часа, улетел километров на четыреста. Воды были спокойными, несмотря на время штормов и бурь. Я совершил посадку, невысокие волны это вполне позволяли. До горизонта всё было пусто. Я сменил самолёт на эсминец и прошёл на мостик, пока все четыре голема устраивались на своих постах. Один – за штурвал (бой вести пока не нужно, башни орудийные пусты), второй – в котельную, третий – в радиорубку, слушать радиоэфир, и четвёртый – в машинное отделение, это он даёт ход и скорости.

Корабль уже шёл на восемнадцати узлах. Я рассчитал курс, передал рулевому, куда держать его, и направился в капитанскую каюту, она давно подготовлена для моего проживания. Пока война не началась, я планировал активно эксплуатировать камбуз, заготавливая готовые блюда на будущее. Припасов много, но из них ещё нужно приготовить то, что я хочу. А пока в душ и на камбуз. Отдыхать рано, солнце ещё не село.

* * *

Японцы напали, но уже в середине апреля. Похоже, моё влияние всё же сказалось – неприятно, но главное, война началась. Эсминцем я не пользовался, берёг ресурс, жил на

необитаемом острове неподалёку от Чемульпо. За это время изрядно прокачал умения: уверенно управляю уже всеми пятью големами, так что готов к бою и обороне.

Я так понимаю, японцы что-то заподозрили и напрягли всю свою агентуру, но с учётом того, что Порт-Артур и Владивосток наводнили жандармы, выявляли таких агентов быстро, где брали под контроль, где арестовывали. Макаров прибыл в Порт-Артур за неделю до моего появления и общения с ротмистром. Но за неделю успел навести шороху, сняв немало капитанов кораблей и назначив своей властью новых. Видимо, дали ему такое право.

Я больше нигде не засветился и тихо жил на этом острове, изредка посещая Чемульпо и скупая там рис в огромных масштабах. Хранилище постепенно пополнялось, при этом я продолжал активно его качать. А те два крейсера, аргентинских, японцы получили и уже вводят их в строй, команды осваивают корабли. Жаль, войны тогда не было, а то я бы их перехватил. Святоши за это время тоже не появлялись, не напакостили, как они это любят, пока всё равно.

Раз в сутки, в полдень, я запускал дизель-генератор на автомобильном шасси (германская работа) и слушал радиостанцию. В основном общались морзянкой, но сообщений было немного. А тут вдруг множество радиостанций, заманался, пока переводил. Японцы докладывали своим, что напали на Порт-Артур, выход полностью блокирован брандерами, потоплены несколько боевых кораблей русского фло-

та. Работали ночью. Ну, японцы приписками любят заниматься, однако точной информации пока нет.

Я свернул всю работу и готовился вылететь к Порт-Артуру. Тут недалеко, за час доберусь. Големов, бывших на охране, и девчат пока отправлю в Хранилище. Что за девчата? Откуда взялись? Ну, как сказать... Наложницы это мои. Был на торгах в Африке, на восточном базаре, где кочевники хозяйничали, там и женщин продавали, за девственниц больше всего просили, и товар на удивление разнообразный.

А я не скупился. В результате приобрёл француженку шестнадцати лет, по имени Мишель, и двух белобрых немок-близняшек семнадцати лет, с четвёртым размером груди. Шикарные девчата, хотя и пришлось немало усилий приложить для укрощения: дикие для наложниц. А уж как я за них торговался, аукцион был, с несколькими купцами-арабами за них долго торг шёл, они таких любят. Четвёртая, и пока последняя – это Зульфия, шестнадцать лет. Арабка, но с примесью европейской крови, настоящая восточная красавица.

Через неделю после покупки я предложил девчатам работать на меня. Плачу золотом, год обязательной отработки, а дальше как хотят. Все девчата были мои любимицы, и всех я старался поближе к себе держать. Из-за големов и появляющихся из ниоткуда и исчезающих вдруг вещей они считали меня магом. Жили они как во дворце, я старался, чтобы они ни в чём не нуждались, так что проблем с ними не было.

– Блин! – воскликнул я, вздрогнув всем телом, когда обнаружил, что в соседнем кресле сидит аватар Михаила. – Ты хочешь, чтобы я умер от разрыва сердца?! Не делай так больше.

– Прости, случайно получилось, – повiniлся он. – Тянуть время не буду. У меня есть для тебя работа. В другом мире. Он умрёт в тысяча девятьсот сорок шестом. Работа такого же Путника.

– Блин-и-ин, опять сорок первый, – простонал я.

– Да, с Путником ты встретишься летом сорок первого. Под Смоленском. Ты его сразу узнаешь, немецкий офицер-лётчик. Сам и собьёшь его.

– Это если соглашусь.

– Какое тело тебе достанется, даже я не знаю, но мы постараемся, чтобы ты возродился именно в нужном нам мире.

– Знаешь, это уже выбешивает. Ситуации, в которых я оказываюсь, повторяются с завидной регулярностью. Только подготовился к империалистической войне, решил поучаствовать, как раз – отправили в этот мир. Облом. Решил тут поучаствовать – и снова в последний момент всё под запретом. Знаете, хоть как-то хочу поучаствовать.

– Эта Русско-японская война благодаря тебе будет Японией проиграна, русские освоят ещё больше территорий. С империалистической в прошлом мире... тут сложно. Россия с Германией заключили союз, они победили, но революция в

России всё же была. С опозданием на десять лет. Российская империя перестала существовать.

– Вот зачем ты мне окончание детектива сообщил? – вздохнул я, спуская машину к волнам внизу. – Времени у меня, я так понимаю, нет?

– Нет. В течение двадцати минут тебя нужно отправить, дальше даже мы не сможем спрогнозировать, в какой мир ты попадёшь. Всё же мы этим не управляем, только слегка влиять можем.

– Что я получу за согласие?

– Очередное умение? – с вопросом в голосе уточнил он.

– А вы поумнели. Только в этот раз – два. И предлагайте сами, а я уже выберу.

– Знаешь, я тебе предложу одно умение, но самое шикарное.

– Брать кота в мешке? – с сомнением пробормотал я, совершая в этот момент посадку на воды моря.

Если буду уходить, самолёт прихвачу с собой. На запасном складе постоит, ничего ему не будет.

– Не стоит сомневаться, за это умение ты только поблагодаришь меня.

– Вы разожгли моё любопытство. Хорошо, я согласен. Что мне нужно сделать? Умереть?

– Самоубийство под запретом, это страшный грех. Тебя или должны убить, или должен произойти несчастный случай. Хотя я могу тебя отправить, – сообщил он и коснулся

моего плеча.

– А... – только и успел сказать я и... очнулся в новом теле.

Чёрт, самолёт в том мире остался! Ну, святоша, молись.

А вот тело мне попало ушибленное на всю голову. Очнулся я на нижней полке вагона, мне бинтовали голову две молодые красавицы-блондинки, и у той, что постарше, уже заметно выпирал животик.

Память прошлого хозяина тела ещё не проснулась, и я, изучая себя, купе и девушек, спросил:

– Что случилось?

Тут картинка перед глазами начала вращаться, и я потерял сознание, но успел отметить, что на мне синие галифе командира Красной армии, а на крючке у входа висит зелёный френч из шерстяной ткани со знаками различия техника-интенданта второго ранга. Снова попал в интенданта. Любопытно.

Судорожно вдохнув, я вздрогнул всем телом и чуть не разбудил моих наложниц: сегодня я ночевал с немками-близнецами, которые грели меня по бокам.

– Это сон, это всего лишь чёртов сон, – прошептал я с заметным облегчением.

Сев, я аккуратно покинул постель, стараясь не разбудить девчат, но после нашей бурной ночи они были настолько утомлены, что спали – из пушки не разбудишь. Я покинул комфортабельный шатёр, в котором один из големов сидел у

печки, поддерживая тепло, так как ночью температура опускалась до плюс пяти, запахнул халат, спасаясь от прохладного ветра, и посмотрел в ночное звёздное небо.

Сон был такой реалистичный и живой, что сразу становилось ясно: мне навевали его со стороны. Мои сны, конечно, тоже яркие, но утром от них остаются только фрагменты, которые к вечеру совсем забываются. А тут я всё отлично помню. Во сне меня отправили в следующий мир, и меня реально взбесило, что снова произошёл облом с участием в войне. Ладно, империалистическая пролетела, позлобствовал, но успокоился, а вот то, что и Русско-японская пролетала – вот это было обидно. К счастью, это был сон.

Сейчас середина апреля тысяча девятьсот четвёртого года, и японцы всего три дня как начали войну. Брандерами закупорили выход из бухты, причём использовали два парохода Китайско-Восточной дороги, захваченных за несколько дней до этого, те как раз шли в Порт-Артур, и их ждали. Японцы разгрузили их, загрузили камнями, слили в трюм бетон и, наняв наёмников, знающих русский, провели шикарную операцию. Охрана на входе их пропустила, потом сработали вышибные заряды, и оба судна легли в самой узкой части фарватера. И они были не одни, ещё пять судов рвались к фарватеру, и три из них прорвались.

Флот закупорен на рейде – это факт. Торпедированы минами крейсер «Паллада», спасти который не удалось, и броненосец «Севастополь», получивший торпеду в корму, но со-

хранивший плавучесть; остальные избежали этой участи. Да и японцы понесли огромные потери: точно были потеряны пять миноносцев, один броненосец – «Хацусэ», подорвавшийся на установленных за день до этого минах, и один бронепалубный крейсер – по той же причине.

Я пока не торопился действовать, обдумывал разные методы ведения войны: или тихий, незаметный, из-под воды, или яркий, с налётами авиации. Пока додумался топить авиацией одиночные суда и боевые корабли, глуша связь, чтобы свидетелей не было и чтобы не вспугнуть японцев. Остальных бить из-под воды, используя субмарину. Действовать желательно по ночам. И да, опыт войны с использованием танков тоже, думаю, пригодится.

В Чемульпо находился русский стационар, это была «Диана». «Варяг» ранее отозвали после долгого боя, в котором адмирал Уриу потерял один бронепалубный крейсер и два миноносца (они затонули), да и другие корабли серьёзно пострадали от русских снарядов. Но порт всё же был захвачен японцами. «Корейца» тут не было, он был отправлен во Владивосток и теперь стоял на страже входа в порт. Несколько недель тренировок и учебных стрельб позволили подготовить команды кораблей, и особенно артиллеристов, к разным ситуациям. Одними из лучших стали артиллеристы «Дианы», поэтому Макаров и направил её в Чемульпо.

«Диана» не сдалась: после восьмичасового боя получивший тяжёлые повреждения крейсер затонул на входе в порт,

серьёзно затруднив прохождение фарватера. Спаслись всего двадцать семь моряков, которых японцы подняли из воды. Да уж, это не Руднев (которого, к слову, уже месяц как сняли с командования кораблём) с его «Варягом», эти парни дрались до последнего. К сожалению, погиб капитан корабля Иванов, Макаров не снимал его с командования.

А японские войска уже прибывали в Чемульпо, вот я и подумывал повоевать с ними, используя два танка. Нужно только подобрать из того, что у меня есть, машины, где экипаж состоит из двух-трёх человек. Должно получиться шикарное дело, с атакой походной пехотной колонны противника или тыловых колонн. Я собирался мелькать в разных местах, больше чем на сутки в одном месте не задерживаясь.

Но сейчас я стоял возле шатра и, попивая горячий чай, кружку с которым достал из Хранилища, обдумывал пришившийся мне сон. То, что мне его навеяли извне, это точно, даже не сомневаюсь. Я обдумывал, что за намёки такие мне подкидывали. Сами не появились: уверены, что я лишнее попытаюсь выклянчить за работу. Намекнули, что если помогу им, наградят, но чем именно, узнаю уже после выполнения квеста. Типа сюрприз.

А ситуация, как я понял, проанализировав сон и откинув лишнюю шелуху, следующая. Мир, в который я попаду после очередной смерти... где и когда погибну, сам пока не знаю... так вот, этот мир должен умереть по вине одного Путника. И видимо, он из немцев, раз на их стороне воюет. Моя зада-

ча – не допустить гибели мира и уничтожить этого Путника за пять лет до трагедии. Где встретимся с ним (возможно, встретимся), мне сообщили. За это я получу награду. Был также ясный намёк, что попаду я в тело военнослужащего, да ещё интенданта. А будет так или нет, узнаю в будущем.

К тому времени как я закончил свои мысленные рассуждения, я уже почти замёрз, а потому, кутаясь в халат, вернулся в свой утеплённый шатёр и вскоре снова уснул, обняв одну из близняшек и уткнувшись в одну из упругостей четвёртого размера. Завтра отбываю, надо хорошенько выспаться. И выспался бы, если бы мне этот сон не навяли.

Проснулся я в девять утра: голем, дежуривший у печи, разбудил всех по моему приказу. Девчата были недовольны, не любили так рано вставать, но за стол к завтраку вышли уже бодрые и умытые. Мы позавтракали, и я стал собираться. Всё отправил в Хранилище, в том числе и девчат. Люблю я это Хранилище.

Потом достал шесть «лаптёжников», они уже были подготовлены к вылету и встали в начале взлётной полосы. Что мне нравилось на этом островке, так это наличие отличной ровной каменистой косы, пригодной в качестве взлётной полосы, к тому же големы разровняли её, убрав все ямы и кочки. Я здесь изучал лётные качества разных самолётов, учился на них летать ночами, в ожидании начала войны. «Бостоны» и «лаптёжники» тоже освоил, поэтому и големы теперь могли ими управлять. Но не воевать, такого опыта у меня

ещё не было.

Вылететь я решил на свободную охоту, на разведку не вылетал. Просто использовал радиопеленгатор и выяснил, что не так и далеко, примерно в ста морских милях, работали две радиостанции, сразу опознанные мной. За прошедшее время я запомнил, как работают радисты с разных кораблей японцев, и тут точно скажу: это были две «собачки», лёгкие бронепалубные крейсера, что шли куда-то в сторону Японии. Вот их мы и перехватим.

Самолёты были двухместные – пилот и стрелок, – но атак истребителей не ожидается, вообще не ожидается, даже в теории, так что хватит и одних пилотов. Бомбы загружены – на крыльях всех шести машин подвешены по четыре мелких пятидесятикилограммовых осколочных бомбы. Под фюзеляжем пяти – по одной бронебойной авиабомбе SB-1000, я их планировал использовать для более серьёзных кораблей, но «собачки» для тренировочного вылета тоже вполне подойдут. На шестом «юнкерсе» была зажигательная бомба C-500. Всё размещено, и вроде как мелкие бомбы не нужны, да и лишний вес тоже не стоит иметь, но я решил, что пусть будут, по палубам будем работать. Я собирался использовать все возможности для наработки боевого опыта.

Я уже был в лётном комбинезоне, со шлемофоном, парашютная система надета – у меня одного она, големам без надобности. Моторы были запущены, и вот по двое – ширина косы позволяла – мы стали взлетать. Стоит напомнить, что

управлять големами я мог на расстоянии не более километра, а потому мы летели плотной группой.

Уже через пятнадцать минут полёта мы засекали дымы на горизонте, они отлично демаскируют корабли. Это были японские крейсера, вот только почему-то дымов было три, а не два, как я ожидал. Летели мы на полуторакилометровой высоте, друг за дружкой, клин вышел в пятьсот метров длиной – нормально.

Чуть наклонив машину на левое крыло, я стал изучать, что там так дымило, готовясь в любой момент сорваться в атаку. Но пока ещё рано было. Насчёт японских «собачек» я не ошибся, а вот третьим оказалось русское судно, активно драпавшее от японцев. Судно было грузопассажирское и, похоже, скоростное: его скорость если и была меньше, чем у японцев, то на один узел, не больше. Японцы почти нагнали его, стреляя попрёк курса. Это я вовремя. Конечно, свидетели – это неприятно, но ничего не поделаешь, будем работать.

Первой целью я выбрал «Наниву», который пытался обогнать русское судно, обходя его слева. Второй крейсер – «Иосино» – был отмечен мной как вторая цель.

Мой «юнкерс» лёг на крыло с переворотом и завывая, – в кабине этот звук был почти не слышен – устремился вниз. Остальные, также ложась на крыло, последовали за мной. Я использовал зрение големов, чтобы подправлять свой полёт, глядя в бомбовый прицел, но эти ухищрения мне не помогли. Я понял, что бомба ляжет мимо, и поэтому начал выво-

дить «лаптёжник» из атаки, не сбрасывая её, решив повторить атаку чуть позже. Зато пилот-голем второго самолёта заходил точно на цель, и я, дистанционно управляя им, сбросил бомбу. Мне необходимо тренироваться, ведь големы используют мои опыт и знания. Летать на этих «юнкерсах» я теперь умею, а вот атаковать и производить сброс бомб – нет. А наберусь опыта, и големы смогут повторять за мной. Сами они не могут накапливать боевой опыт, могут только использовать мой. Не очень это удобно, но я уже привык, к тому же появляется стимул учиться.

И знаете, о чём ещё я подумал? Я ведь могу использовать любое судно или самолёт, не задумываясь тратя ресурсы, ведь раз я вернусь снова в сорок первый, то смогу набрать ещё техники, уже новой, без потраченного ресурса. Так что если сначала я планировал экономить, чтобы техника мне долго прослужила, то теперь уже не стоит, буду использовать её от и до.

Что касается нашей атаки, то она удалась, сброшенные бомбы попали куда нужно. Большая вошла в палубу «Нанивы» позади мостика и взорвалась, разломив крейсер пополам, а мелкие ураганом прошлись по палубе, убивая и калеча моряков. Взор отлично показывал мне, что происходило. Я сам не ожидал такой эффективности от нашей атаки; пожалуй, для таких крейсеров и фугасные бомбы пойдут, а те, что под фюзеляжами у меня висят, лучше побережь для чего-нибудь покрупнее, вроде броненосцев.

«Иосино» уже развернулся и на полном ходу улепётывал прочь. А капитан там, я смотрю, умный, понимает, что дальше будет. Оп-па, крейсер зигзагами пошёл. Я уже вывел из атаки свои машины и сейчас, набирая высоту, нагонял «Иосино». Обе половинки «Нанивы» к тому времени уже скрылись в волнах Жёлтого моря. При этом я отметил, что русский пароход сбросил скорость и, развернувшись, направился к японцам, которые ещё держались на воде. И надо им это? Ладно, это теперь их дело. Всё-таки менталитет у нас разный.

Пока я разворачивался и нагонял вторую «собачку», голем на третьем «юнкерсе» забивал эфир, на котором работала радиостанция крейсера. Мне пришлось на этой машине снимать штатную радиостанцию и ставить другую, наподобие той, что используют японцы. Голему удалось забить эфир, так что подать сигнал тревоги «Иосино» уже не мог. Кроме того, второй «юнкерс», уже отбомбившийся, я поменял местами с тем, который шёл замыкающим и нёс зажигательную бомбу.

Снова сорвавшись в пике, я атаковал «Иосино» и на этот раз не промахнулся. Мне здорово помогали големы: я использовал их зрение, чтобы точнее навестись на цель. Не понимаю, как без них немецкие лётчики так точно сброс делали. При этом не стоит думать, что я получаю опыт, выезжая за счёт големов. Нет, я наводился с помощью бомбового прицела, а с помощью них поглядывал, правильно ли делаю, и

подправлял прицел. Так что опыт я получал реальный. Позже, когда стану опытнее, буду атаковать уже без использования големов, нарабатывая свой опыт и знания по этому делу. Глядишь, так быстро до уровня немецких лётчиков поднимусь.

Как ни маневрировал крейсер, закладывая крутую дугу, сброс прошёл удачно, и я, похоже, попал (сброс с остальных машин я в этот раз не проводил). Выводя машину, я Взором наблюдал падение бомб. Так и оказалось, бомба попала в корму, к тому же там ещё и артпогреба сдетонировали (шимоза – это такая вещь, которая имеет крайнюю степень опасности), так что крейсер был уничтожен. Вообще, я думаю, достаточно по одной большой бомбе сбрасывать, накрывать дополнительно ещё и мелкими осколочными не стоит: зенитных средств на кораблях нет, опасаться нечего, заходить на цель можно, как на полигонных условиях, не по одному разу. Да, так и буду делать. Промажнулся – не страшно, можно сделать второй заход.

После выхода из атаки на «Иосино», покачав крыльями поднимавшему с воды японцев русскому судну (флаг гражданского флота без сомнений указывал на его принадлежность), я, набирая высоту, потянул к береговой линии Кореи. Бомб хватает, топливо ещё есть, так что решил поохотиться за транспортными судами – наудачу, попадутся или нет. А если какой-нибудь военный корабль встретится, так вообще замечательно, охота будет считаться удачной.

Вскоре горизонт затянуло дымами. Приближаясь, я насчитал одних только грузовых и транспортных судов тринадцать единиц – это те, которых я визуально наблюдал. Но, судя по дымам за горизонтом, и там много чего вкусного есть.

Пока мы летели, я свою машину перегнал назад и теперь летел замыкающим. Выбрав цель пожирнее, а именно крупный грузовой пароход под японским флагом (он глубоко сидел), я направил вниз «юнкерс», который нёс зажигательную бомбу. Сброс зажигательной бомбы показал её высокую эффективность против таких транспортников. Промануться было невозможно: цель крупная. Бомба попала в центр, у второго трюма; полыхнуло так, что нас чуть не сдуло – похоже, судно везло боеприпасы. А мы, поднявшись на километр, атаковали следующую цель. Пароходы разбегались, большинство рванули к берегу, но это не мешало мне раз за разом заходить на цели. После того как закончились бомбы, мы перешли на пушки.

Результаты первого вылета следующие: две «собачки» и спасённое русское гражданское судно, случайно попавшая канонерская лодка и четыре транспортных и грузовых судна, отправленных на дно. Кстати, на двух из них перевозили армейские подразделения. Ещё три судна выбросились на берег, но я их всё равно раздолбал, расстреливая из пушек и пулемётов и вызывая на борту пожары. Они хорошо так горели, когда я возвращался на свой островок. Жаль, но почти десять судов смогли уйти: боезапас я полностью исчерпал.

После благополучного приземления самолёты были выстроены в ряд и моторы заглушены. Я покинул кабину своей машины, големы тоже выбрались наружу. Я достал топливозаправщик и штабель бомб и патронов к бортовому вооружению самолётов, и началась заправка и зарядка. Ну и бомбы подвешивали, на этот раз фугасные SC-500, хочу увидеть результаты их работы.

На подготовку к следующему вылету ушло чуть больше часа. Больше всего времени заняла не перезарядка пулемётов, как ожидалось, а заправка. К слову, у трёх «лаптёжников» стояли 37-миллиметровые курсовые пушки, а у трёх других – 20-миллиметровые. Три голема быстро справлялись с перезарядкой патронных и снарядных лент, а после они же занялись бомбами. В общем, когда была закончена перезарядка, у каждого самолёта под фюзеляжем висели фугасные пятисотки, а под крыльями – мелкие 50-килограммовые осколочные бомбы.

Мы снова начали взлёт парами, направляясь к транспортным маршрутам из Японии в Корею, надеясь повстречать там ещё немало японских транспортных или боевых судов и кораблей. Уже через двадцать минут, заметив три дыма на горизонте, я направил в их сторону строй своих самолётов. Это оказались три парохода, из них два под японскими флагами, а один – под английским. Что интересно, шли они вместе, из Японии, и загружены были под грузовую марку, у всех трёх судов ящики с имуществом даже на палубе шта-

белями складированы.

Сортировать их я не стал, спуститься проверить возможности не было, но и так ясно, что англичанин был нанят для грузового фрахта. Идут вместе – значит вместе и на дно пойдут.

Свалившись на крыло, с переворотом, строй моих самолётов начал падать на передового японца. Первым падал я, вроде всё точно рассчитал; причём не пользовался помощью големов, сам наводил и едва успел на четырёх сотнях метров, нажав на сброс фугасной бомбы и мелочи, начать выводить самолёт из пике. Промахнулся – фугас разорвался от удара об воду у левого борта судна. Но три мелких осколочных бомбы разорвались на палубе, а четвёртая ушла в воду у самого борта. Однако и близкого разрыва хватило: судно содрогнулось, получив гидроудар в борт, заклёпки как срезало, листы начали расходиться. Да и осколочные бомбы наделали бед – начался пожар. Судно было обречено: следовавший за мной «юнкерс» сбросил свою бомбу точно на корму, и от взрыва её аж оторвало.

Остальные четыре самолёта бомбы не сбрасывали; закончив выходить из пике, они начали перестраиваться. Свою машину и голема, который следовал за мной, я перегнал в конец колонны, выведя четыре других «лаптёжника» вперёд. Набрав высоту, мы начали с рёвом пикировать на второго японца. Англичанина я оставил напоследок. Что удивительно, тот не обеспокоился: спокойно дымя, не прибавляя ско-

рости, двигался тем же маршрутом. Его палубы были полны матросами и пассажирами, которые явно с живым интересом наблюдали за происходящим.

На этот раз я управлял големом дистанционно, накапливая опыт, и то, что я сидел в другом самолёте, мне не мешало. Взор я не использовал, опять же в целях накопления опыта. На этот раз прямое попадание, бомба попала прямо в крышку грузового люка.

Оказалось, японец вёз снаряды. Мой самолёт словно получил мощный пинок, от взрыва нас раскидало, хорошо ещё, что никто не вылетел за пределы управления. Собираясь снова в группу, мы начали набирать высоту. У трёх моих самолётов полный боеприпас, а три уже были пусты (не считая пушек), они и шли замыкающими, и я в том числе.

Вот, перевернувшись, первый «юнкерс» обрушился вниз. Похоже, англичане только сейчас сообразили, что они – следующая цель и что нападающим плевать, что за флаг болтается у них на флагштоке. Многие начали прыгать за борт, но было поздно: прямое попадание в борт, часть левого борта испарилась, и вода хлынула внутрь. Судну остались считанные минуты.

Набирая высоту и переведя два оставшихся самолёта с боеприпасами вперёд, я повёл колонну в сторону одиночного дыма на горизонте, шедшего со стороны Японии. Это оказался одиночный старый трамп с грузом продовольствия – Взор показал, что было в трюме. Мы его потопили. Один

«юнкерс» у меня всё ещё был с боеприпасами, и я повернул обратно к острову, надеясь найти какую-нибудь цель. И на обратном пути встретил двух японцев – два парохода, разгруженные (высоко сидели), спешили в сторону Японии. Одного мы накрыли фугасной бомбой, попали в нос, но тонуть он, к моему удивлению, не спешил. Ещё осколочные на него сбросили, а потом долго делали заход за заходом, расстреливая судна из пушек. Оба они тонули, да и горели, когда мы, собираясь в колонну, направились обратно к острову.

Похоже, этот вылет без проблем не обошёлся. У одной машины была порвана крышка у колеса, посадка будет проблематичной, у другой мотор неровно тянул, грелся – похоже, тоже попадание осколком от взорвавшегося парохода. Починю позже, ночью големы исправят все повреждения, пока я сплю, а до темноты хочу успеть сделать ещё один вылет. Использую для этого самолёты из запаса.

Посадка прошла благополучно. Сперва сели пять машин, а шестая, с повреждённым шасси, кружилась над нами, но потом и она совершила посадку. Колесо в хлам, но всё же села благополучно. Две машины тягачом оттащили в сторону, големы ночью займутся ремонтом; как ремонт проводить, я знал, значит, и им это известно. Пока же я достал новые самолёты на замену, и началась подготовка к следующему вылету. Снова под фюзеляжи подвешивались фугасные, у меня их много, надолго хватит, так что будем использовать их.

На подготовку и заправку двух машин ушло около часа, а

после я, взлетев, направился к Чемульпо. И по фигу на свидетелей, пусть знают и боятся.

Моего появления явно не ждали, застал я их врасплох. Да и информация о том, что с воздуха атакуют неизвестные летательные аппараты без опознавательных знаков, только-только начала распространяться. С довольной усмешкой изучая полный порт грузовых судов, я свалил свой «юнкерс» на крыло и начал атаку «Асамы». Пока моя цель – крупные надводные корабли боевого флота Японии. Огромные запасы военного имущества на берегу и стоявшие на разгрузке суда, конечно, также привлекали моё внимание, но с пикирования их бомбить опасно: сдует к чёрту. Лучше поменять машины на бомбардировщики и атакую с километровой высоты... а лучше двух. Хм, а ведь до островка недалеко, можно вернуться, сразу поменять машины на «бостоны» и вылететь обратно. Вполне успею накрыть штабеля ящиков на берегу и суда на разгрузке. Решено, четвёртым вылетом и закончу этот день.

На этом день авиации закончен. На следующий день я воюю уже на танках. Потом выделяю день эсминцу. На четвёртый день меняю эсминец на батальонный миномёт и с разных позиций веду обстрелы подразделений противника. Пятый день отдам субмарине. А на шестой – буду кошмарить колонны японцев прямой наводкой из немецких двустольных и четырёхствольных зениток. Седьмой день – снова авиация, и так по кругу, для накопления боевого опыта, и

буду продолжать. По плану я день работаю на водах Жёлтого моря, другой день – на суше.

Да, фугасы и по броненосному крейсеру показали себя отлично. Правда, на этот крейсер ушли все бомбы, но в результате он с оторванной носовой частью затонул на мелководье. Мелкие осколочные бомбы использованы не были, и я, приметив три миноносца и не обращая внимания на другие корабли адмирала Уриу, включая его флагман, атаковал этих малюток, рассчитывая если не потопить, то серьёзно их повредить. Снова я первый с разворотом пошёл вниз, атакуя самый крупный миноносец. Похоже, он относился к классу истребителей, а они по факту самые скоростные в японском Императорском флоте.

Атака не прошла безрезультативно. Несмотря на то что атакуемый нами миноносец резко ушёл в сторону, держа высокую скорость, и я и следующий за мной сбросить бомбы не успевали, его накрыли бомбами третий и четвёртый. Вокруг заплясали фонтаны от разрывов, несколько бомб разорвались на палубе, было видно, что на корме судна начался пожар. Тем временем пятый и шестой «юнкерсы» атаковали соседний миноносец и накрыли его – он задымил, теряя ход.

Мы поднялись выше в небо и, разбившись на пары, атаковали по одному из трёх миноносцев, пушками и бомбами, у кого они ещё оставались. Сделали три захода, пока не закончились пушечные снаряды. Результат был прекрасен: истребитель и ещё один мелкий миноносец уже утонули, а третий

дрейфовал, объятый пожаром, правда, тонуть явно не спешил. Я уверен, наши снаряды из его палубы и днища сделали дуршлаг, но борта миноносца были слегка бронированы и снарядами пушек брались плохо. Закончив на этом, мы потянули обратно к моему островку. Это последний раз, больше с него работать не буду, так как, думаю, место моего базирования скоро вычислят.

По прилёте убрал «юнкеры» в Хранилище, включая те два повреждённые (не до них пока), после чего достал «бостоны» – ту шестёрку, у которых на подвесках кассетные бомбы подвешены. И уже десять минут спустя мои новые самолёты, оторвавшись от поверхности косы, начали карабкаться в небо, довольно тяжело нагруженные.

Дальше особо и рассказывать нечего. Добрались до Чемульпо, выстроились лесенкой на двухкилометровой высоте и начали сброс – на суда, на порт, на огромные штабеля военной амуниции, боеприпасов и снаряжения. Это и была коврая бомбардировка. Жаль, самолётов всего шесть, но взрывалось и горело красиво. Были два крупных подрыва: видимо, боеприпасы и снаряды детонировали от попаданий. Но пожары не прекращались, а значит, взрывов ещё много будет. Японцев ждала тяжёлая и яркая ночь. Отбомбившись, я снова потянул к островку. Ну не знаю, на штурмовиках как-то интереснее было летать и бомбить с пикирования, адреналина больше.

После посадки провели обслуживание «бостонов», за-

правку, снова подвесили контейнеры с кассетными бомбами. После этого я убрал их в Хранилище. К тому времени уже стемнело. Достал «юнкерсы», которые мы использовали, все восемь, включая повреждённые, отдал приказ големам, а сам отправился в палатку спать. Големы тем временем занялись самолётами – ремонтом двух машин, а также заправкой и зарядкой всех восьми. Запчасти я им выделил, где повреждения в моторе, уже выяснил, да и запасное колесо имелось, поменять несложно.

Велел разбудить меня за час до рассвета. Вылечу к Чемульпо, облетая его стороной. Там на пути японских войск и встанут мои танки. Я уже выбрал, какие. Все машины советские. Два плавающих танка Т-40, один из них вооружён крупнокалиберным пулемётом ДШК, второй – 20-миллиметровой пушкой, плюс танк Т-60, вооружённый также 20-миллиметровой пушкой. У всех танков пулемёты спарены с главным калибром. Танки неплохие, подвижные, позволяют вести огонь на ходу.

В экипаже будет по два человека – как раз для меня и пяти големов. Все танки я уже изучил, поэтому големы тоже их знают, учебные стрельбы проводили тут, на островке, теперь проверим, каковы они в бою. У японцев нет ничего, чтобы остановить эти машины, разве что ударят фугасами из крупных стволов артиллерии прямой наводкой, но этого я постараюсь не допустить. Всё же Взор уже за три тысячи метров работает, засеку, если что.

Подняли меня вовремя – я одному голему часы наручные дал, иначе как они по времени определяться будут? В общем, разбудили. Самолёты уже были в порядке, и я убрал их все в Хранилище, кроме одного, мусор после ремонта тоже прибрали. Один голем сел в самолёт за штурвал и, подняв машину в воздух, повёл её в сторону корейского берега, а я сидел сзади и наяривал из котелка кашу, запивая её молоком, а потом пил чай с булочкой – завтракал. Хорошо запасы иметь. Надо сказать, вчерашний день укатал меня серьёзно. Я даже посчитал, что четвёртый вылет был лишним: тяжело он мне дался, и морально, и физически. Впечатлений было много, уснул я мгновенно и спал без задних ног.

Над берегом мы появились за десять минут до рассвета, горизонт уже посветлел. Чемульпо осталось в тридцати километрах справа по борту, отсветы пожаров виднелись даже отсюда. Наконец рассвело, я заметил впереди дорогу и прямо возле неё, в поле, несколько воинских бивуаков. Мы пошли на посадку, но подальше от японцев. Там была неплохая низина, и пусть кое-где торчали валуны, ровное место для посадки я нашёл, и голем без проблем посадил машину. Мне кажется, мы серьёзно напугали японцев своим появлением, а они нас видели, это точно.

Убрав после заправки «Шторьх», я достал все три подготовленных к рейду танка и активировал появление ещё четырёх големов, используя для их тел валуны вокруг. Для себя я выбрал Т-40 с ДШК в башне, мне этот пулемёт хорошо

знаком, не раз использовал. Переоделся в форму советского танкиста, шлемофон по размеру подобрал, ну и скомандовал: по машинам. Мой мехвод устроился на своём месте, другие также заняли свои места. С небольшой разницей во времени двигатели танков были запущены и сейчас тарахтели на холостом ходу.

Я же неторопливо поднялся на корму, спустился в башню и проверил оружие. В этих машинах радиостанций не было, но у нас с големами своя связь, дистанционная. Вот я и отдал своей братии приказ начать движение. Я двигался замыкающим, а впереди в качестве дозора шёл Т-60. Направлялись мы к ближайшему лагерю японцев. Было утро, и я так рассудил, что мы встретим их либо на дороге, если они уже выдвинулись, либо на месте ночёвки, если они ещё собираются. Возможно, у них сейчас завтрак.

Мой танк, двигаясь по колеям, проложенным двумя другими танками, мягко покачивался. Взором я внимательно обшаривал дорогу перед нашей группой. Не то чтобы мин боялся, которых тут даже в теории пока нет, а просто тут и там торчали малозаметные в траве мелкие камни, так что разуться, повредив гусеницы, было несложно. А так под моим руководством дозорный танк двигался по проходимым местам, пока мы не выбрали на нужную нам дорогу. Она была разбитая: сейчас весна, лужи, грязь, а ночью тут, видимо, ещё и дождь был. Но, в принципе, для этого времени года нормально и для моей гусеничной техники вполне проходи-

мо.

На дороге мы уже прибавили газу до максимума, приближаясь к японцам. Они, действительно, ещё не выдвинулись, собирали коней, запрягали их в повозки, сворачивали палатки, над кострами висели чаны, готовился завтрак. Вовремя я.

Стрелять японцы начали издалека, их явно напугали три ревущие и дымящие выхлопом машины, которые, разбрызгивая грязь, летели на них. Ну, как летели... На тридцати километрах в час мы уверенно двигались к полевому лагерю противника. Стоит отметить, что получаемый мною боевой опыт будет несколько односторонним: у японцев противотанковых пушек нет, а те дуры, которые они сейчас торопливо разворачивали в нашу сторону, для меня не опасны; главное, прислугу от них отогнать.

Судя по количеству войск и вооружения, тут находились артиллерийский дивизион и батальон пехоты с обозом. Несмотря на то что близкий разрыв мог перевернуть мой танк, а прямое попадание и уничтожить, пушек я не опасался, понимая, что их расчётам не хватит времени. Я решил маневрировать, и мои танки шли зигзагами, затрудняя японцам прицеливание. По нам били из винтовок, и чем ближе мы подходили, тем чаще становился стук пуль по броне. Вот и пулемёты начали работать, пару раз выстрелили полевые пушки, но снаряды легли далеко. Сам я пока не стрелял, смысла не видел: расстояние большое, а приблизившись, стреляя в упор, я нанесу японцам куда большие поте-

ри.

И вот мы ворвались на территорию японского временного лагеря и начали работать с наводчиками остальных танков следующим образом: по крупным скоплениям врага били из главного вооружения, пробивая целые бреши, а по одиночкам и мелким группам – из спаренных с пушками ДТ-29. Боекомплект ДШК ушёл мигом, целей было много, благо от пушек мы японцев всё же отогнали. Но сравниться с големами по скорости перезарядки я не мог, поэтому ушёл в сторону, чтобы перезарядить оба пулемёта. Големы тем временем продолжали уничтожать лагерь. На попытки сдаться в плен мы не обращали внимания: не было у нас возможности брать пленных.

Вскоре я снова включился в дело. Взор отлично помогал: спрятаться от меня в траве было невозможно. Мои танки встали на границах лагеря с разных его сторон и, крутя башнями, прицельно били короткими очередями из спаренных пулемётов. Час работы с момента начала атаки – и живых никого не осталось. Тут степь кругом, так что не спрячешься. Жаль, конечно, простых солдат, которых привезли сюда на убой, но война – она такая. А в плен я не беру, потому что мне просто некому передавать пленных. Нет, можно, наверное, было в Хранилище убрать, но я не хотел занимать место пленными, рассчитывая на трофеи.

Покинув танк, я достал ящики с боеприпасами и бочки с топливом, и пока големы заправляли машины и проводи-

ли обслуживание (у одной машины гусеница ослабла, нужно подтянуть), осматривал лагерь на предмет трофеев. В целом для этого времени вполне современное вооружение, пушки, к слову, английские, в 70 миллиметров примерно, на трёхдюймовки похожи. Я решил забрать сто винтовок, два станковых пулемёта (а больше и не было), все боеприпасы к ним, амунизию, батарею пушек и все снаряды к ним, повозки со снарядами и часть лошадей. Две отличные катаны подобрал, остальное хлам, но всё равно взял: выглядят экзотично, на подарки пойдут. На сбор трофеев и уничтожение остального мы потратили ещё час. Хорошо с големами, всё мигом делают. Правда, при такой их скоростной работе я быстро слабею, силы-то они у меня берут, но ничего, терпимо.

Закончив с трофеями и оставив позади пожары, мы двинули дальше, в сторону Чемульпо, и вскоре встретились лоб в лоб с дозорными длинной кавалерийской колонны. Тут, никак, полк драгун? Интересно, когда они столько лошадей привезти успели?

В этот раз чисто я не работал, так что если кто успевал ускакать или раненым спрятался в траве, я на них не обращал внимания: на танке лошадь догнать сложно, хотя и возможно: лошадь быстрее устанет, да и пули быстрее коня. Задача была – рассеять полк и нанести ему тяжёлые потери; задачи его уничтожить я себе не ставил. Мои танки клинком шли по дороге, объезжая туши убитых лошадей, давя людей и стреляя по разным целям. Полк я рассеял, изрядно сокра-

тив его, до половины личного состава точно.

Двигались мы к Чемульпо, от места уничтожения лагеря с батальоном и пушечным дивизионом до него было километров тридцать. Я сменил танк, пересев на пушечный Т-40, опять же для получения опыта. А когда мы двинулись дальше, вдруг неприятность – заклинило ходовую у пулемётного Т-40, который я только-только покинул. Похоже, коробка полетела. Посмотрел Взором – точно она, шестерня на осколки разлетелась. Пришлось выбираться наружу.

Пригибаясь от изредка свистевших пуль – некоторые драгуны прятались недалеко, а мои големы по ним постреливали, и очень точно, – я убрал танк в Хранилище, решив, что проведу ремонт позже, и достал пушечный БТ-2, он тоже рассчитан на экипаж из двух человек. Оба голема, потерявшие танк, пусть из-за поломки, тут же нырнули в люки и начали готовить машину к бою – заводить и взводить затворы пулемёта и заряжать пушку, там 37-миллиметровая в башне стояла.

Хлопнула пушка, и двое драгун, лежавшие на склоне оврага метрах в двухстах от нас, разлетелись по сторонам изломанными куклами, когда осколочный снаряд рванул между ними. Да, если раньше я подозревал, то сейчас убедился: големы стреляли лучше меня. Неприятно, но факт. Они использовали программы прицеливания, которых у меня нет, потому точность их огня была выше на порядок, чем у меня, даже и тогда, когда они вели огонь на ходу. Я сам этими про-

граммами пользовался, когда управлял големами напрямую, дистанционно, и знаю, о чём говорю.

Ну а потом мы рванули дальше. Дорога была пуста, впереди разбегались в стороны японские солдаты: это драгуны их предупредили, я успел перехватить и уничтожить только медлительный обоз. Так, на полном ходу, мы и ворвались в город.

И тут же на окраине случилась новая поломка, причём снова у того же экипажа – БТ, преодолевая каменный забор, разулся, сполз с левой гусеницы. Времени ставить его на автомобильный ход не было, поэтому, пока меня прикрывали два танка, я убрал БТ в Хранилище и достал немецкий Т-І/С, он тоже рассчитан на экипаж из двух человек. Кстати, довольно редкая машина у немцев, её для десантных частей создавали, мне две новеньких достались с военного склада под Мюнхеном.

Мы мчались по улочкам Чемульпо, расстреливая всех, кто носил военную форму, причём не придавая большого значения тому, кто это, и не всегда это были японцы: я, кажется, побил французов и американцев. А нечего так нагло выходить, как будто им ничего не будет. Словили очереди, а после пушки там только клочки полетели, и больше они как-то не лезли.

Но долго веселиться нам не дали: когда неподалёку вдруг взорвалось здание, рассыпая вокруг обломки, я сразу вспомнил о стоявших в бухте военных кораблях адмирала Уриу.

Похоже, нам корабельный гостинец прислали, и даже не побоялись город разрушить. В порт я не совался, хотя знал, что там шла высадка солдат с двух судов. С боевыми кораблями я предпочитал разбираться двумя способами – авиацией и подводной лодкой. Эсминец же намеревался использовать чисто против транспортов, а скорость нужна, чтобы убежать от военных кораблей. Сейчас же у меня стояла задача навести панику в городе, пострелять и свалить, что я и сделал. А после, развернувшись, рванул прочь.

Покинув город, я сменил место командира на место мехвода (напомню, что получаю разносторонний опыт), и мы погнали обратно по той же дороге, распугивая и обстреливая редкие разъезды. А японцы уже далеко ушли от Чемульпо, передовые войска я догнал только вечером. Похоже, их-то как раз предупредить не успели, и до самой темноты я, сначала выбив артиллерию, гонял по степям эти два полка.

Когда машина остановилась и я покинул душный боевой отсек, то форма на мне была хоть выжимай, а сил не было вообще, даже руки поднять не мог, так устали за рычагами. А големы мои бодрячком. Всё-таки танкисты – железные люди, уважаю. С другой стороны, я вчера работал весь день и вымотался так, что меня вырубало на всю ночь, и сегодня изрядно покатался, атакуя разные японские подразделения. Да ещё и големы тратили мои силы, так что подобный упадок сил меня не сильно удивлял. От меня несло потом и порохом, придётся постараться, отстирывая комбинезон. Хорошо, что

под ним только нижнее бельё, форму я не надевал, иначе совсем бы упарился.

Медлить я не стал. Големы заправили машины, провели обслуживание, и я убрал их в Хранилище, а потом один из големов доставил меня на «Шторьхе» к побережью. Минут двадцать мы летели, после искали место для посадки, а затем на шлюпке отходили подальше от берега, где я достал эсми-нец. Шлюпку чуть не захлестнуло, но это дело привычное. Трап забортный был спущен заранее, так что я поднялся на палубу и убрал шлюпку.

На палубе я достал остальных големов, и они повели корабль в сторону Чемульпо. Я поставил им задачу кошмарить маршруты и расстреливать японские суда, пользуясь темнотой, которая нам не мешала: оказалось, големы могли подключаться к моему Взору и спокойно работать, я недавно обнаружил такую их способность. Одного голема поставил на мостике за штурвалом, другого – в машинном, третьего – в котельной, четвёртого – в радиорубке, а последнего оставил на палубе, в резерве, он караулил в башне главного калибра. А сам я направился в капитанскую каюту принимать душ и отдыхать.

Поспать в эту ночь мне удалось крайне мало: я приказал голему-рулевому в случае появления какого-нибудь судна или боевого корабля идти к нему полным ходом и сразу будить меня, и он так и делал.

А вообще, рыскать и искать суда противника ночью – дело

неблагодарное: столько угля сожжём. Поэтому мы сделали упор на радиопеленгацию: голем находил работающую станцию, наводился на неё, и эсминец бежал по волнам в ту сторону.

Сначала радист сообщил, что в эфире работает одна станция (редки они на судах), судя по направлению, судовая, в открытом море. По прикидкам, на экономичном ходу нам идти до координат этого судна чуть больше часа. Я отдал приказ двигаться к нему и направился спать, на ходу вытирая полотенцем мокрые волосы.

Однако пока мы дошли до места назначения, меня поднимали дважды. Сначала встретили три судна без ходовых огней, два японских и американский рефрижератор, который перевозил мороженые говяжьи туши. Не знал я, что такие суда уже существуют. А хорошо снабжают Императорскую армию. Груз меня заинтересовал, равно как и тот, что был на других судах, уже японских – консервы, рис в мешках, рыба, овощи, сушёные фрукты. В общем, эти три судна перевозили продовольствие, а его я старался брать трофеями в первую очередь.

Радист побежал в башню, я занял место рулевого, а три голема занялись пушками. Ну и сделали мы несколько прицельных выстрелов. Когда болванки бронебойных снарядов прошивают борта и машины судов, то те, паря, останавливаются. Сначала мы подошли к борту американца и выслушали ругань капитана, которого сразу пристрелили. Зачистка

прошла молниеносно, живых не осталось, големы работали немецкими МП: в тесных переходах эти пистолеты-пулемёты очень неплохи. На борту эсминца остался я один, благо во время штурма големы ещё и пришвартовали корабль к этому крупному судну, больше раза в три моего «Летучего».

Потом четыре голема вернулись на борт эсминца, на свои посты, а я в компании пятого обошёл морозильники и отправил все туши в Хранилище; заодно и кладовку у камбуза подчистил. Затем мы отошли от борта и пошли к одному из японцев. К слову, к тому времени команды уже покинули оба судна и шустро работали вёслами, чтобы убраться подальше. Мне они были не интересны, и я их не тронул, а направился прямо к кораблям и один за другим опустошил их трюмы. В завершение големы расстреляли фугасами борта судов в районе ватерлинии, оставив их медленно тонуть, и мы направились дальше.

Я только лёг, как меня снова подняли. На этот раз нам встретился одиночный трамп, старая посудина в тысячу тонн водоизмещения, коптившая под японским флагом. Пришлось идти на перехват. А так как весь трюм у неё оказался забит бочками с рыбой – была и живая, и солёная, и сушёная в мешках, – то мы снова пошли на абордаж. Груз – в Хранилище, судно – на дно. А того, кто выходил в эфир, мы так и не нашли, покрутились по тем координатам, но в эфире стояла тишина, и мы пошли дальше в сторону Японии. Но поспать мне так и не дали: снова обнаружили два судна. Пришлось,

поработав Исцелением, убрать сонную одурь и усталость, и вскоре я уже живчиком стоял на мостике, попивая какао с молоком, и командовал охотой в этих водах.

Японцы думали, что ночью им безопасней тут передвигаться. Ага, как же. До рассвета я перехватил ещё семнадцать судов – сам не ожидал, что тут такой мощный поток. Похоже, перевозку обеспечивали несколько сотен судов. Точно не скажу, но за одну эту ночь я, думаю, нанёс довольно большой урон грузовому флоту Японии. На моём счету пять войсковых транспортов с войсками, четыре с артиллерией, шесть с боеприпасами, включая артиллерийские снаряды, один с инженерным имуществом. Ещё три перевозили лошадей и один – повозки и лошадей для обоза. Все суда пошли на дно.

Тем, кто спасался, спуская шлюпки, я не препятствовал: я лишал Японию тоннажа грузового флота, а её моряки и пассажиры судов меня не интересовали. Но шансов спастись у них было мало, так как под утро началось ненастье, высокие волны и сильный ветер мотали мой эсминец только так. Барометр стал быстро падать, похоже, приближался шторм. Может краем задеть. При этом охоту я не прекратил, мы успели перехватить ещё четыре судна, которые сопровождала канонерка, и пустили их всех на дно, кроме одного: на нём размещался госпиталь с персоналом и оснащением, и я не стал его трогать, оно ушло в пелене дождя.

А вот с канонеркой настоящий бой вышел. Жаль, не удалось на равных бой провести: дождь скрыл нас друг от дру-

га, поэтому игра шла в одни ворота – канонерка стреляла на вспышки моих выстрелов, а я бил точно по кораблю, дождь мне не мешал. Големы снесли мостик, потом пробили борт (было тяжело, там оказался броневой пояс), и канонерка начала тонуть.

Затем мы ушли в открытое море, где эсминец стал дрейфовать, а я отправился спать. Охота из-за шторма сошла на нет раньше, чем я планировал, моя дичь попряталась у берега и в портах. Ну, хоть отдохну.

Шторм прекратился быстро, уже в семь вечера ярко светило солнышко, только высокие волны напоминали о ненастье. Голем-радист сообщил о множестве работающих радиостанций. Он уже вскрыл шифры, и оказалось, что японские гражданские моряки жаловались на неизвестный бронепалубный лёгкий крейсер третьего ранга – именно так окрестили мой эсминец, – и в эти воды начали стягивать боевые корабли. Радист точно смог сказать о двух бронепалубниках, одном броненосном крейсере, трёх больших миноносцах и двух вспомогательных крейсерах; последние были оснащены радиостанциями и нужны для загонной охоты. Поиграем? Пожалуй.

Я направился к ближайшему вспомогательному крейсеру. Нужно дать ему возможность поорать в эфир, что его обстреливают, пусть к тем координатам стягиваются остальные.

Нашёл я этот крейсер, когда уже окончательно стемнело.

Вот наглый, под всеми огнями шёл. Всего шесть пушек, из них только две довольно серьёзного калибра, остальные так, пукалки. Для команды этого судна вдруг раздавшийся по ним из темноты залп из четырёх стволов стал полной неожиданностью. Из двух башен, вооружённых спаренными орудиями в 120 миллиметров, мои големы выпустили четыре фугасных снаряда по носу этого недокрейсера. Специально стреляли по носовой части, чтобы радист успел передать сигнал тревоги. Он и успел, передав заодно и наши координаты.

Следующий наш залп снёс мостик, надстройки на корме и радиорубку. Судно ярко запылало, а я отошёл в сторону и скрылся во тьме, ожидая в засаде тех, кто устроил на меня охоту. Ночь длинная, и она покажет, кто тут дичь, а кто охотник. Хм, а надводный флот тоже имеет свои прелести, не ожидал. Думал, подводники имеют преимущество перед надводниками. А тут так интересно.

И надо сказать, эту ночь я провёл восхитительно. Правда, по основной работе было мизер: всего два грузовых судна за ночь повстречал и оба пустил на дно. В трюмах одного были патроны к винтовкам, а у другого – сапёрное имущество и небольшие запасы солдатской формы. Однако за эту ночь я нашёл и пустил на дно всех охотников на меня, включая броненосный крейсер – это был «Якумо». Не знаю, что он тут делал, видимо, под руку попался, вот и отправили его искать русский рейдер, как меня называли. Причём если остальных я честно потопил пушками «Летучего», то для «Якумо» это

что слону дробина. А атаковать на максимальной скорости для пуска торпед я не рискнул: эсминец у меня один, опасался потерять.

Пришлось обменять эсминец на подлодку, я взял американца. А команда крейсера была настороже, светила во все стороны прожекторами: к тому времени я всех остальных пустил на дно, и японцы уже поняли, что сами стали дичью. «Якумо» был последним и, завидев меня, драпал на максимальном ходу в сторону Японии. Обогнав его, я вышел по ходу движения и пустил три торпеды. Одна не сработала (какое-то повреждение), хотя в борт ею попал, но двух других вполне хватило, и «Якумо» пошёл на дно.

А я снова перешёл на эсминец и рванул к берегам Кореи. В это время как раз начало светать, и вот тут я понял, в чём разница между ночной охотой и дневной. Видя дымы из моих труб, все встречные суда старались отвернуть, так что пока я гонялся за одними, другие успевали скрыться за горизонтом. Меня выручало только то, что мой эсминец мог держать высокую скорость, так что большую часть дичи я всё же перехватил. Однако всего шесть пущенных на дно судов за световой день – это мизер. Но воды вокруг быстро опустели – похоже, это явилось результатом моих действий, так что я не удивлён.

Кстати, на двух судах было продовольствие, и я прибрал его в Хранилище. А вообще, из-за шторма я нарушил свои планы: на эсминце должен был работать сутки, а прошли

двое. Поэтому как стемнело, я подошёл к берегу, сменил эс-минец на шлюпку, а шлюпку на берегу – на самолёт и полетел в сторону расположения передовых японских войск. Весь следующий день до вечера я работаю миномётчиком. Такой опыт мне также необходим.

За три часа я добрался до места, нашёл подходящий для ночёвки овраг, установил палатку и отбыл ко сну. Меня охраняли три голема, вооружённые ручными пулемётами. Эх, завтра поработаем. Все специальности в миномётном расчёте я должен освоить на собственном опыте.

* * *

Япония запросила мира уже через два месяца. К тому времени я изрядно истощил свои запасы боеприпасов и потерял немного техники: четыре самолёта, три из которых были из-за поломок во время вылета, а один был реально сбит (пехота из винтовок стреляла, вот и попали), и два танка. В принципе, всё. Получается, войну выиграл я. Неожиданно даже для меня.

Японцы дали мне прозвище Повелитель морей и слёзно просили Николая II прекратить эти налёты. Как ни давили англичане на японцев, предъявляя долговые сертификаты, японцы всё же подписали капитуляцию, схитрив при этом: мол, они теперь во власти русских; а русские при этом заявили, что долги Японии не подтверждают и на себя их вешать

не собираются: Япония проиграла, и все её долги списываются. Возможно, это было условием Японии при подписании капитуляции. Дипломатический казус, но он был возможен, и как Англия ни возмущалась, ничего сделать не могла. А гарантом капитуляции в качестве свидетеля выступала Германия; англичан и американцев, как они ни набивались, даже близко не подпустили.

На контакт я так и не вышел, о переговорах узнал, сев на секретную телеграфную линию, после чего сразу прекратил свои действия. Убедившись, что капитуляция подписана, сменил боевой корабль на яхту и направился к берегам Африки, желая совершить кругосветное путешествие. Ну, и пока големы управляли яхтой, я нежился в большой ванне (жаль, не джакузи) и размышлял о двух прошедших месяцах.

Да, я без отдыха получал опыт применения разной боевой техники, вооружения и авиации, но если я в сорок первом, да вообще в Великой Отечественной войне так же нагло буду атаковать немецкие силы, то мне вломят так, что пёрышки полетят. Здесь я пользовался полным отсутствием зенитной обороны, противотанковой артиллерии и средств быстрой связи, потому у японцев и не было шансов. Да и то к середине второго месяца они уже и зенитные пушки изобрели, переделав лафеты, и пулемёты сделали спаренные.

А в сорок первом я так дерзко действовать не рискну: или в танке подобьют, или в самолёте сожгут к чёрту. Так что действовать мне можно будет только ночью, никак не днём.

Вот миномётом работать (а я и полковые использовал, в 120 миллиметров) – вот это можно, тем более я стал настоящим снайпером, а остальное с осторожностью и с оглядкой. Да, ночи – это моё время.

Стоит отметить, что ещё до капитуляции Японии Англия решила поиграть мускулами и вывела свои броненосные силы с военной базы флота в Вэйхайвэй. Эскадра с судами поддержки вышла из порта и направилась к Корее, всего двадцать четыре вымпела, считая и суда поддержки. Больше об этой эскадре никто не слышал, в эфире – тишина. Первой же ночью после выхода эскадры, забив эфир помехами, я пошёл на своей субмарине в атаку. Никто не ушёл. Такая пропажа эскадры серьёзно испугала англичан, так что они хоть и возражали (такие деньги в японский флот вложили), но в итоге всё равно остались у разбитого корыта. На моей памяти им первый раз так прищемили нос. Понятно, что они попытаются отомстить, но это уже другая история.

Что касается трофеев, то у англичан я увёл груз с одного транспорта, это были припасы, и на этом всё: устаревший хлам у них тут был, всё новое они в метрополии держали. У японцев хотя бы два истребителя увёл, их собственной постройки, новенькие миноносцы, проходившие ходовые испытания.

Что я могу рассказать о своей дальнейшей жизни? Почти двадцать лет я прожил в этом мире, и Русско-японская война не единственная, в которой я участвовал, были ещё шесть.

Вообще, мне безразличны разные войны и конфликты, но если в них участвуют Великобритания или США, ну или у них там интересы, то я участвую на стороне их противников. Все шесть войн и конфликтов с моим участием закончились победой той стороны, за которую воевал я. Даже Кубу раньше отбили, независимой от всех стала.

Девчата, мои наложницы, честно отработали свой год и получили золотые слитки: всё же хоть и наложницы, но я не рабовладелец, они на зарплате, так что кило золота в месяц каждая заработала, за год двенадцать кило общим весом. Троих я высадил на побережье тех стран, откуда они родом, и девушки исчезли из моей жизни. Осталась только Зульфия. Вот она восемь лет со мной прожила, после чего тоже сошла с борта моей яхты, но не в Африке и не в восточных странах, а в Бразилии, выбрав эту страну для проживания. Накопленные богатства положила в банк, купила поместье и проживала там. Детей у нас не было.

У меня вообще детей не было, проблема именно во мне, ни одна девушка не забеременела. Источник проблемы я нашёл, Исцеление могло помочь, но детей я не хотел: меня ведь искали, ой как искали, а дети – это слабое место. Исцеление у меня было прокачано на сто процентов, и Длань работала, я излечил себя, но заблокировал возможность иметь детей. Так девушки постоянно присутствовали в моей жизни, их число всегда было не менее двух, но и не более пяти: всё же я не такой и гигант в постели, просто разнообразие любил –

не хочется одну, так захочется другую. Все девушки на зарплате были, платил я им золотом, у меня его много.

Я отлично прожил эти двадцать четыре года, но погиб по нелепейшей случайности в Афганистане, когда был там по делам. Уже посетил эмира и собирался покинуть страну, как началось землетрясение. А была ночь, я спал в отеле, от толчков проснулся и вскочил, но тут здание развалилось, и на меня рухнула балка. Сознание сразу погасло, может, и ранен был, умирал под завалами, Исцеление не помогло.

Да, была ещё Длань, и Михаил, объясняя, что это, был прав: даже умерев, я мог восстановиться. Тело восстановилось бы само, и я бы очнулся. Однако проблема заключалась в том, что накануне вечером я работал с Исцелением: решил заняться укреплением костей, чтобы защитить себя от переломов, мышцы и связки я уже укрепил так ранее. Однако работа эта долгая и потребляет много энергии, поэтому пришлось временно отключить Длань. С ней кости год бы укреплялись, а без неё – всего месяц; разница ощутима, потому я и не сомневался. А тут такой казус.

То, что я умер, было очевидно: снова новое тело, молодого парня.

* * *

Очнувшись, я с трудом сдержал стон, и для этого были причины. Ноги припекало, где-то потрескивал огонь, чув-

ствовалась вонь горелого мяса, резины, бензина, сгоревшего пороха и тротила. Вообще, очень знакомый запах. Рядом раздавались хрип и бульканье, такие звуки я не раз слышал, когда сам перерезал горло противнику.

Стараясь не шевелиться и едва заметно дышать, я быстро приоткрыл глаза и увидел, как афганец, в обычной своей крестьянской одежде, но с двумя автоматами, висевшими за спиной, заканчивает отрезать голову молодому светловолосому парню в форме советского солдата. Форма, оружие и ещё коптящий на заднем фоне горелый БТР, явно «семи-десятка», сразу дали понять мне, что происходит. Я точно в Афган попал, осталось узнать, какой сейчас год. И узнаю, когда память парня проявится.

А пока, используя диагностику Исцеления, я попытался выяснить, что со мной. Ранение в голову, это точно, болело жутко; ещё, видимо, и контузия; ну, и обширные ожоги на ногах. Я лежал рядом с полыхающей лужицей бензина, а чуть дальше горел КамАЗ-бензовоз – очевидно, горючее из него. Похоже, душманы поймали в засаду колонну на дороге и сейчас собирают трофеи.

Все мои умения обнулились, но запасной склад был на месте, полный. Взор работал на десять метров, и я видел, что под рукой у меня лежит АКМ с подствольником. В магазине я насчитал одиннадцать патронов, рядом брошены два спаренных магазина, пустые: прежде чем погибнуть, бывший хозяин моего нового тела успел пострелять. В подсу-

ках «лифчика» две пары спаренных магазинов, в подсумке всего два ВОГа, ручных гранат нет. Но главное, есть чем воевать. Чую, скоро моя очередь настанет, душман тут не один, и чтобы выжить, придётся принять бой. Дёргаться я и не думал. На границах Взора три душмана занимались сбором трофеев. Возможно, были ещё и другие, но я не слышал от грохота рвущихся патронов в горевших машинах. Думаю, их тут много, может и сотня быть.

Я активировал создание голема, и дорога в десяти метрах от меня вспучилась, когда он встал, прямо позади того душмана, что одному из наших отрезал голову, которую сейчас держал в руке. Удар кулака голема мгновенно обрушился на голову афганца, и та лопнула, как перезрелый арбуз. Схватив оба автомата, висевшие за спиной афганца, и рывком освободив ремни оружия, держа автоматы в обеих руках за пистолетные рукоятки, голем открыл огонь. Я тем временем не шевелясь лежал на дороге. С моего места мне было видно корму санитарного уазика, расстрелянного, без стёкол, но огонь до него пока не добрался.

Дистанционно управляя големом и используя его средства визуального наблюдения, я мгновенно засёк пятьдесят семь душманов. Три десятка собирали трофеи на длинной дороге – здесь, на серпантине, находилось десятка два побитых и горевших машин, – остальные были в прикрытии. Работали душманы быстро, они явно спешили, да ещё оказывали помощь своим раненым, которых было около десятка. Убитые

наверняка тоже есть, но я их не видел.

Голем легко отсекал очереди, поэтому автомат палил не очередями, а одиночными и точными выстрелами. Голем просто расстреливал всех, кого видел. Из одного автомата – тех, что на дороге, из другого – тех, что в прикритии. Там я засёк три крупнокалиберных пулемёта и автоматические гранатомёты; ещё два афганца стояли с длинными трубами «Стингеров» на вершине холмов, откуда и расстреляли колонну. Тут высота метров сто, отличное место для засады.

Пока голем работал (причём очень точно, добивающего выстрела обычно не требовалось), я после диагностики использовал малое исцеление щупом, чтобы залечить голову. Пулевое ранение головы, пусть по касательной, но с контузией, привело к ожидаемому результату – парень умер. Я убрал внутреннюю гематому и контузию, но заживлять рану пока не стал, потому что всю энергию Исцеления я потратил, а рана уже не кровоточила, кровь спеклась. Помимо ранения головы были гематомы на теле (две пули попали в бронежилет) и обгорели ноги: штаны сгорели, кожа до бёдер покрыта ожогами, сапоги скукожились, эти стоптанные кирзачи лучше снять. Причём боль не прекращалась – в сапогах тлели портянки, нанося мне новые ожоги.

Поэтому когда голем выбил всех, кто стоял на виду – шестнадцать на дороге и одиннадцать на высотах, включая расчёты крупнокалиберных пулемётов и автоматических гранатомётов, – я вскочил, сдерживая крик, подхватил свой

автомат (раз рядом лежал, значит мой) и рванул к скалам, где и упал между двух валунов. Голем прикрывал меня, успев снять двух душманов выстрелами в голову, когда они высунились.

Я тут же отправил голема наверх по склону. Обстрел ему был нипочём, места попадания пуль тут же зарастали. Уничтожив противника наверху, голем перещёлкает тех, что остались на дороге. А если они останутся в укрытиях, спустится и проведёт зачистку. Надо быстрее заканчивать, чую, скоро тут наши будут, вон как душманы торопятся со сбором трофеев, явно валить собрались, а значит, времени у меня не так и много.

Машинально качая Взор, я подогнул ноги и стал сдирать обувь, постанывая от боли. Один сапог снялся нормально, я отбросил его, и из голенища потянула тонкая струйка дыма. Потом уже с трудом стянул и второй сапог, изучая, что у меня осталось от ног. Да, тут дня на два лечения с полной разрядкой Исцеления. Излечение пока отложим: в принципе, состояние моё сносное, а мысленно отсекай болевые ощущения я научился давно, не в первый раз ранения и ожоги получаю.

Каска моя осталась на дороге. Через голема я видел себя со стороны: окровавленные тёмные волосы слиплись у темечка, лицо вполне правильное, симпатичный, но скуластый, похоже, в роду кто-то из азиатов был, но давно. По виду всё же салага, худой, ещё не отъелся и не окреп.

Я подтянул к себе автомат, что стоял прислонённым к валуну, это был классический АКМ с деревянным прикладом-«веслом». Но подствольник ГП-25 «Костёр» под стволом указывал на то, что парень, в которого я попал, из опытных: салаге бы его не дали – тут скорее своих подстрелишь, чем противника. Я вставил в ствол ВОГ и, отстегнув магазин, подкинул его в руке, поймав за обратную сторону. Магазины тут были спарены, обмотаны синей изолентой, один почти полностью расстрелян, второй – полный. Вот полный я и вставил в горловину. Взводить затвор не нужно, патрон в стволе. В общем, я приготовился, работая на пару с големом, уничтожить противника. После этого аккуратно выглянул из-за валуна.

Сколько времени потребуется человеку, чтобы подняться по осыпающемуся склону наверх, где мало за что можно удержаться, а в некоторых местах склон ещё и вертикален? Я думаю, час, и то с верёвками и альпинистским снаряжением. Душманы спустились в другом месте, там была расселина, голем её засёк. Для голема же не существовало препятствий, гигантскими прыжками он начал подниматься. Один автомат он закинул на ремне за спину, а вторым ещё и отстреливал тех, что у колонны работали. Пятерых снял, прежде чем до остальных дошло, что голем даже в такой ситуации не цель, а вполне себе снайпер, ведь подниматься он мог и с помощью одной руки. Уже через семнадцать секунд он был наверху, откуда и начал уничтожение противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.